

Джанет МакЛеод
Поцелуй со вкусом манго

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2014

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

МакЛеод Д.

Поцелуй со вкусом манго / Д. МакЛеод — Книжный Клуб
«Клуб Семейного Досуга», 2014

Софи было всего шесть, когда ее родители умерли. Родственники забрали девочку из Индии в Шотландию. Но сказочная страна, в которой она родилась, снилась Софи по ночам и манила вернуться... Однажды Софи познакомилась с Тэмом Тэлфером, который очаровал ее с первого взгляда, и вскоре вместе с любимым мужем уехала в страну своего детства. Ее мечта сбылась! Однако настоящая Индия и ее супруг оказались совсем не такими, как рисовалось в мечтах. Очень скоро Софи стало ясно, что ее сердце принадлежит другому...

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

© МакЛеод Д., 2014
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2014

Содержание

Благодарность	6
Пролог	7
Глава первая	10
Глава вторая	15
Глава третья	22
Глава четвертая	27
Глава пятая	35
Глава шестая	41
Глава седьмая	52
Глава восьмая	58
Глава девятая	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Джанет МакЛеод

Поцелуй со вкусом манго

Издание опубликовано при содействии Madeleine Milburn Literary, TV & Film Agency и The Van Lear Agency LLC

Переведено по изданию:

MacLeod Trotter J. The Planter's Bride: A Novel / Janet MacLeod Trotter. – MacLeod Trotter Books, 2014. – 278 p.

© Janet MacLeod Trotter, 2014

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2015

* * *

Эту повесть я посвящаю доброй памяти дедушки Боба Горри (известного как «Горри из джунглей») и бабушки Сидни Истербрук, уехавших жить и работать в Индию в двадцатых годах прошлого века. А также моей любимой матери, Шейле, жившей там до восьмилетнего возраста

Благодарность

Я в долгу перед своими бабушкой и дедушкой по материнской линии за то, что они оставили дневники и присылали интересные письма из Индии домой в Шотландию. Эти недавно найденные документы во многом послужили источником вдохновения при написании этого романа.

В очередной раз выражаю благодарность своему проницательному редактору Джейни Флойд за существенную помощь и мудрые замечания. Также спасибо моему мужу Грэму за прекрасную еду и множество чашек чая и кофе, не давших моей душе покинуть тело (а также за то, что заметил нелепую опечатку!). Еще спасибо Эми и Чарли за то, что постоянно по-доброму меня подбадривали.

Пролог

Индия, 1907 год

Стоя на цыпочках, Софи глядела сквозь сплетения лиан, закрывавших ей вид с веранды на дорожку внизу. Она с нетерпением ожидала начала застолья, посвященного дню ее рождения, ждала друзей с соседних чайных плантаций, которые придут угощаться приготовленным их поваром яблочным пирогом и тортом и играть в прятки. Странный дом со скрипучими полами, тенистой верандой и заросшим садом идеально подходил для этой игры. В честь Софи били в барабаны в деревне, находившейся неподалеку. Это началось еще до рассвета и продолжалось уже несколько часов.

– Когда же они придут, мама? Ну когда же они придут?! – приставала к матери Софи.

– Тише, девочка моя, – вздыхала ее мать. – Детям слишком далеко идти сюда только ради угощения.

– Нет, не слишком! – замотала головой Софи, тряхнув золотистыми кудрями. – Мы тратили много времени, чтобы добраться до них.

– В этом году все не так, как раньше. Ну сколько раз тебе это повторять?

Софи разочарованно взглянула на мать – та даже не стала переодеваться в праздничный наряд, словно знала, что все равно никто не придет. Софи, как только проснулась, сразу же самостоятельно надела свое лучшее голубое платье. Впрочем, она позволила своей няне, Айе Мими, расчесать ей волосы и застегнуть на туфлях металлические пряжки.

– Тогда мы можем пригласить ребят из деревни, – радостно предложила Софи.

Она видела, как они плескались в пруду, когда папа давал ей урок верховой езды на дороге, уходящей вглубь леса. Дети смеялись, махали руками и показывали на нее друг другу. Софи сидела в седле по-мальчишечьи, широко расставив ноги, в то время как ее отец вел лошадь в поводу.

Однако мать не удостоила просьбу Софи вниманием.

– Айя поставит на стол твой игрушечный чайный сервиз, и ты устроишь застолье со своими куклами.

– Нет! – в отчаянии топнула ногой девочка.

Сегодня ей исполнялось шесть лет, и она хотела настоящего праздничного угощения за взрослым столом. Софи не любила своих кукол с восковыми лицами, подаренных ей родителями два года назад несмотря на то, что она просила у них игрушечный паровоз. Софи нравилась лишь одна кукла: мягкая, в бархатном жакете, с длинной черной косой, как у Айи Мими, но игрушка заплесневела и рассыпалась в прошлом году во время летних дождей.

– Я хочу настоящего праздника!

– Не кричи! – резко осадил ее мать. – Ты потревожишь отца.

Она метнула беспокойный взгляд в темное нутро жилища, откуда не доносилось ни звука, за исключением мяуканья котенка, который появился у них совсем недавно.

– Папа сегодня встанет? – спросила Софи. – Если не будет застолья, может, он возьмет меня на рыбалку?

– Нет, не сегодня. Сегодня никто никуда не пойдет.

– Но почему?

Мать вертела кольцо на пальце.

– В следующем году, если на то будет воля Божья, у тебя будет настоящий праздник, я обещаю.

– Мне здесь не нравится, я хочу домой!

Софи выбежала на веранду, решительно уселась на ступеньки крыльца и приготовилась ждать. Она не могла примириться с мыслью о том, что никто не придет.

– Не сиди на солнце, – раздраженно сказала ей мать. – И не ходи дальше крыльца.

– Почему?

– Потому что я так сказала.

Из сумрака комнат беззвучно вышла Айя Мими, тоненькая женщина с родинкой на подбородке, и надела на голову Софи тропический шлем, ласково уговаривая ее уйти из-под палящих лучей солнца.

– Пора пить лимонад и слушать сказку, – улыбнулась Айя. – А потом будет много сладостей.

Когда Софи обернулась, матери на веранде уже не было.

* * *

Они ссорились. Слышались мужские голоса: хриплый недовольный голос ее отца и другой, глубокий и зычный. Просторная веранда погрузилась во тьму. Пока девочка спала в низко подвешенном гамаке, кто-то укрыл ее хлопковой простыней, от которой, как и от Айи Мими, исходил аромат гвоздики.

Небо окрасилось в красные зловещие тона. Барабанный бой, доносившийся из деревни, стал громче. Он распугивал птиц на деревьях, и они разлетались с пронзительными криками. Встревоженная Софи села в гамаке. Ее мать тоже кричала.

– Лучше уйдите! Вы только все усложняете!

А почему мяукает котенок? В сумерках каждый звук казался громче, чем был на самом деле.

Софи выбралась из гамака и, наткаясь то на тяжелые предметы мебели, то на цветочные кадки, выглянула с крыльца. Внизу к столбу была привязана большая воронья лошадь. В угасающем вечернем свете девочка разглядела лишь мотающийся из стороны в сторону хвост. За ней никто не присматривал. Позади густого сада не горели огни в кухонных очагах.

День ее рождения еще не закончился? Софи посмотрела на свое влажное платье, прилипшее к зудящей коже. Да, должно быть, это все еще день ее рождения.

– Айя! – позвала Софи. – Айя Мими!

Ей хотелось, чтобы няня пришла и побыла рядом с ней, пока взрослые кричат, в небо над деревней взлетают огни фейерверков, а барабаны ухают как будто прямо у нее в голове.

Неожиданно открылась дверь, выпуская крики наружу. Софи отпрянула в тень.

– Джесси, вам угрожает опасность. Вам следует уехать отсюда...

– Я никуда не поеду. Не вмешивайтесь не в свое дело! Именно ваше присутствие – причина опасности.

Громкоголосый мужчина с решительным видом вышел из дома и спустился по ступенькам крыльца. Софи слышала фыркание большой лошади, когда незнакомец вскочил в седло и, прищпорив животное, послал его вперед, крикнув напоследок:

– Пеняйте на себя!

Гневные тирады отца продолжали раздаваться и после того, как всадник растворился в сумерках. Его «лихорадочные крики», как называла это мать, наполняли комнаты старого дома.

Боясь пошевелиться, съежившаяся в темноте Софи слышала жалобный шепот встревоженных женских голосов и торопливые шаги чьих-то ног, под которыми заскрипели рассохшиеся доски пола.

Над ступенями крыльца мелькнуло красное сари. Софи вскочила на ноги.

– Айя Мими! Подожди!

Вздвигнув, женщина обернулась. Она что-то сжимала в руках. Это была корзина с котенком.

В следующее мгновение мать схватила девочку за руку.

– Тише, пусть она уходит.

– Куда она идет?

Лицо матери исказилось мучительной гримасой, словно у нее болел зуб.

– По важному делу.

Софи стало страшно. Айя Мими не должна никуда уходить без нее. И кто этот человек, который расстроил папу? Почему ее мать выглядит так, как будто недавно плакала? Более ужасный день рождения трудно было себе представить. Софи раздражали доносившиеся из деревни удары барабанов, звучавшие, казалось, все громче, и пламя пылающих в ночной темноте факелов. Она хотела сказать обо всем матери, но вместо этого громко разрыдалась.

– Я так и не поиграю в прятки!

– Тише, девочка моя, – сказала мать, обняв дочь.

Затем она вытащила из рукава хлопковый платок.

– На, высморкайся.

В эту секунду у ворот усадьбы неожиданно раздался оглушительный шум. Отец Софи снова заревел. Мать ахнула и поволокла девочку через веранду.

– Быстро спрячься!

– Мы что, играем в прятки?

Девочку объяли страх и волнение.

– Да, давай, живо! Спрячься и сиди тихо, как мышь.

Софи тут же оживилась.

– Не смотри! – крикнула она матери, улыбаясь, и со всех ног бросилась бежать.

Девочка залезла в сундук с бельем, зарывшись в ароматные простыни. Пытаясь различить шаги матери, она улавливала лишь приглушенный бой барабанов и треск взрывающихся фейерверков.

Мать так и не пришла ее искать. Айя тоже не пришла. Зато пошел дождь и стук капель по крыше заглушил бой барабанов в деревне. Стало прохладно. А затем Софи уснула.

* * *

В конце концов они нашли ее в сундуке для белья. Свернувшаяся калачиком девочка щурилась от яркого света. Она изумленно молчала, когда они достали ее оттуда. Ее растрепанные влажные волосы прилипли к красным щекам. Неизгладимое впечатление производили ее глаза – темные омуты, полные ужаса. Именно этот затравленный взгляд заставил их тревожно гадать, что же увидела эта девочка.

Глава первая

Эдинбург, июнь 1922 года

Перепрыгивая через две ступени, Софи Логан бежала вверх по винтовой лестнице, и стук ее подошв по истертым камням разносился по темной лестничной клетке многоквартирного дома. Девушка вихрем ворвалась в квартиру на втором этаже, на ходу снимая шляпу, а затем, сбросив туфли, крикнула:

– Тетя Эми, я вернулась!

Стук молотка затих.

– Я здесь, дорогая.

Софи заглянула в комнату, приспособленную ее тетей под мебельную мастерскую. Там царил рабочий беспорядок. Девушка вдохнула запах свежераспиленной древесины и лака. Эми Андерсон подняла на племянницу глаза, улыбаясь из-под редущих белокурых локонов. На ней был запыленный рабочий халат. Книжная полка из орехового дерева была почти готова.

– Ну как денек, дорогая?

– Сумасшедший дом, тетя. Мне пришлось вести в офисе все дела, пока мисс Горри ездила в Дуддистон, чтобы нанять кухарку. Телефон звонил без перерыва. Что люди делали до того, как его изобрели?

– Писали письма и проявляли чуть больше терпения, – насмешливо фыркнула тетя Эми.

Софи рассмеялась. Перешагнув через доски, она провела пальцами по резному узору из цветов и листьев.

– Прекрасно! Как настоящие.

Она приблизилась к древесине и вдохнула острый ореховый запах. От вспыхнувшего воспоминания у нее заныло в груди – то был запах леса, запах Индии.

– Только не ешь ее, – пошутила тетя, – а то испортишь себе аппетит перед ужином.

Воспоминания тут же улетучились.

– Я ставлю чайник, да, тетя?

– Чай – это именно то, что мне сейчас нужно. Ах да! К слову о письмах: там тебе пришло одно из Ньюкасла.

– От Тилли?! – радостно воскликнула Софи.

Тетя Эми кивнула, подтверждая.

– Самое время ей написать. Как там идут приготовления к ее двадцать первому дню рождения?

– Поверишь ли, я его до сих пор не распечатала, – сказала тетя Эми.

– Прочтем за чаем, – улыбнулась Софи. – Ты уже, наверное, извелась от любопытства.

– Ах ты, наглая девчонка! – воскликнула тетя, с притворной суровостью погрозив девушке пальцем.

Пока в крохотной кухне закипал на газовой плите чайник, Софи сбегала в гостиную, разрешила ножом для писем с ручкой из слоновой кости конверт от своей троюродной сестры Тилли и подошла к окну, чтобы прочесть. На бледно-голубых листах бумаги для заметок, составивших довольно толстую пачку, своим аккуратным наклонным почерком Тилли во всех подробностях описывала происшедшие в доме Уатсонов события и шумную жизнь большого индустриального города, расположенного в сотне миль к югу от Эдинбурга.

Дружелюбные Уатсоны приняли Софи как родную, когда ее, осиротевшую и несчастную, прислали из Индии и передали на попечение старшей сестры ее матери, Эми Андерсон. О первых шести годах своей жизни Софи помнила совсем мало: яркие пятна солнечного света, пробивающиеся сквозь ярко-зеленую листву, оранжево-розовое сари Аи и день рождения без застолья. Лица, которые окружали ее в раннем детстве, она давно забыла.

Одинокая тетушка сделала все возможное, чтобы Софи чувствовала себя на новом месте как дома, и вскоре привязавшаяся к ней племянница неотступно следовала за ней повсюду: на собрания суффражисток¹, во время посещений церкви по воскресеньям, в поездках на лесопилки. Но лишь визиты на праздники к родне тетки в Ньюкасл вызывали на пухлых губах Софи радостную улыбку и заставляли ее щебетать без умолку.

– Джонни послали в какое-то Пинди! – крикнула она тете. – Ты слыхала о таком?

– Равалпинди, – ответила тетя Эми, появляясь в дверях. – Это военная база в Северном Пенджабе². Твои родители поженились и провели медовый месяц недалеко оттуда – в горном селении Мурри.

– Правда?

Софи бросила взгляд на каминную полку. Там, обрамленная серебряной рамкой, стояла фотография красивой пары в нарядных свадебных одеждах. Девушку всегда поражал их хмурый вид, но тетя Эми уверяла, что им с трудом удавалось сидеть смиренно перед фотокамерой.

– Джесси там очень понравилось, – улыбнулась Эми, – несмотря на то что тогда была зима и шел снег. Ей это напоминало шотландскую выюгу.

– Это далеко от Ассама³?

Эми пожала плечами.

– Да. Но там была церковная миссия с гостиницей, и в такое время года, полагаю, были вполне доступные цены. Кроме того, твоя мать всегда любила горы.

Софи ждала, что тетя добавит еще что-нибудь; она редко говорила о ее матери, чтобы не расстраивать племянницу, хотя та всегда с нетерпением ждала этих редких рассказов. Эми кивнула в сторону кухни.

– Смотри, а то чайник выкипит.

Позже, налив в чашки чай и угощаясь песочным печеньем, Софи от начала до конца прочла вслух длинное письмо. В нем шла речь о матери Тилли, которая собиралась переехать на лето к своей старшей замужней дочери в Данбар⁴, надеясь, что морской воздух благоприятно скажется на ее легких.

– *«Наверное, мне придется поехать с ней, – прочла Софи, – если только ты не придумаешь для меня какой-нибудь повод остаться. Есть ли вероятность того, что тетя Эми снова повезет нас на поезде в Швейцарию? То были самые лучшие каникулы в моей жизни. Попроси ее об этом от моего имени, пожалуйста».*

Эми Андерсон расхохоталась.

– Тилли все время жаловалась, когда нужно было подниматься в гору. Тем не менее согласись, то была замечательная поездка. Мы смогли ее себе позволить лишь благодаря «Оксфордской чайной компании».

– Да, они хорошо ко мне отнеслись, правда?

---

¹ Суффражистки – общественные активистки, боровшиеся за избирательные права женщин. (Здесь и далее примеч. пер.)

² Пенджаб – провинция в современном Пакистане; во время описываемых событий входила в состав Британской Индии.

³ Ассам – штат на востоке Индии.

⁴ Данбар – город в Шотландии.

– Твой отец был уважаемым работником, и компания поступила так, как и должна была, взяв над тобой попечительство и позаботившись о твоём образовании. И, насколько мне известно, во время войны их прибыли невероятно увеличились.

– И все же они были добры ко мне, – сказала Софи, возвращаясь к письму. – *«Давняя приятельница Джонни, Клэрри Робсон, вернулась из Ассамы со своей маленькой дочерью Аделой. Она как всегда мила, а ее очаровательная темноглазая малышка уже тараторит без умолку. Симпатичный супруг Клэрри не приехал с ней (очень жаль!). Уэсли приедет осенью, чтобы забрать их, когда дел на чайных плантациях слегка поубавится».*

– Это та самая женщина, которая содержала чайную в западной части Ньюкасла? – прервала племянницу тетя Эми. – Как она называлась?

– «Чайная Герберта», – кивнула Софи. – В честь первого мужа Клэрри. Уилл, ее пасынок, был близким другом Джонни, помнишь? Мы с Тилли были по уши влюблены в Уилла. Полагаю, это из-за его кудрей. Он постоянно дразнил нас, девчонок, но по-доброму.

– Ах да, это тот бедный парень, который умер уже после войны...

– Совершенно верно, – вздохнула Софи. – Тилли говорила, что Клэрри была убита горем, да и Джонни тоже.

– Что ж, замечательно, что она вновь обрела счастье с одним из Робсонов, – заметила тетя Эми.

– Ты только послушай, – сказала Софи и продолжила читать письмо: – *«Кузен Уэсли, Джеймс Робсон, тоже приехал в Ньюкасл, хотя они с Клэрри не очень-то ладят. Это его первый визит в Англию после войны».*

– Джеймс Робсон? – ахнула тетя.

Софи перевела на нее взгляд.

– Это не тот ли самый Робсон, с которым работал мой отец?

– Это именно он и есть.

Эми как-то странно взглянула на племянницу.

– И?..

Тетя Софи замялась.

– Это он привез тебя из Индии, когда твои родители... – Ее голос смягчился. – Неужели ты его не помнишь?

Софи пожала плечами.

– Нет, совершенно не помню. Помню только большой пароход и постоянную тошноту от качки, больше ничего. Расскажи мне о нем.

Но тетя Эми лишь сказала:

– Читай дальше, дорогая. Интересно, что еще пишет Тилли.

Софи вновь обратилась к письму:

– *«Он приходил к маме на прошлой неделе с письмами от Джонни и фотографиями свадьбы в Калькутте. Хелена, моя новая невестка, такая красавица! Наверняка свадебное платье прислано из Парижа. Мама старается не подавать виду, но она все еще расстроена из-за того, что они так поспешно поженились, не дожидаясь до следующего года, когда она могла бы приехать на свадьбу. Но родня Хелены живет по большей части в Дели и Калькутте, так что их это устраивало, а кроме того, говоря между нами, мама со своими больными легкими не перенесла бы дорогу до Индии. Так что я не виню Джонни за то, что он решил так поступить».*

Мистер Робсон ни капли не похож на своего брата Уэсли. Удивительно, насколько могут быть разными члены одной семьи. Он не так высок, широкоплеч, как боксер, и к тому же гораздо старше, уже совсем

седой, хотя его пышные усы все еще темные. О таких говорят “много повидал на своем веку”. Он и минуты не может усидеть на месте.

Думаю, он не очень привычен к женскому обществу: говорил совсем мало, пока мама не перевела разговор на лошадей и собак. Мистер Робсон скучает по животным, оставшимся на его чайных плантациях, особенно по охотничьей собаке по кличке Рябина. Наша толстушка Флосси вызвала у него интерес, и он ей тоже, похоже, понравился. Мама сказала, что испытала облегчение, когда он наконец от нас ушел, но из вежливости пригласила его прийти ко мне на день рождения в следующую субботу.

Если сможешь, приезжай в субботу пораньше, чтобы мама с Моной не слишком суетились. Тебе очень повезло, что у тебя нет старшей сестры, которая любит командовать. Мона будет гораздо более приятной в общении, если ты будешь здесь! Разумеется, тетя Эми тоже должна приехать. Ничего особенного не будет: небольшое застолье и танцы, чтобы тебя порадовать. Жду тебя с нетерпением. Сообщи, каким поездом вы планируете приехать.

*Твоя любящая сестра и лучшая подруга,
глупышка Тилли».*

Софи подняла взгляд. Ее карие глаза взволнованно сияли.

– Давай поедем на мотоцикле, пусть Раджа прогуляется.

Тетя Эми закатила глаза.

– Дорогая моя, я не сяду на него даже за весь индийский чай.

– Я отгоню его в гараж, чтобы к нему прикрепили коляску.

– Ты никогда раньше не ездила так далеко на мотоцикле.

– Мы можем сделать остановку на ночь. Мисс Горри говорила, что я могу взять несколько выходных.

Софи не терпелось отправиться в путешествие. Ее собственный двадцать первый день рождения, который был месяц назад, она отметила довольно скромно: потанцевала на благотворительном вечере, устроенном фондом мисс Горри, а тетя Эми испекла пирог.

Тетя Эми заметила на лице племянницы решимость. А если в хорошенькую упрямую головку Софи пришла какая-то идея, спорить с ней было бесполезно.

– Ну что ж, – сказала девушка, подходя к окну, – значит, нам суждено еще раз встретиться с этим Джеймсом Робсоном.

Мысль о том, что она увидит человека, который знал ее родителей в Индии, приводила Софи в волнение.

– Да, и ты сможешь лично поблагодарить его за то добро, которое он для тебя сделал, – заметила тетя. – Даже если ты этого не помнишь.

Софи обратила взгляд вдоль улицы туда, где виднелись поросшие кустарником скалы в Королевском парке. Ей никогда не надоедало смотреть на силуэты этих утесов, находящихся в такой странной близости к закопченным сажей домам в центре Эдинбурга. Ее с новой силой охватило нетерпеливое желание поскорее вырваться за город. Несмотря на то что она уже давно тут жила, Софи так и не стала городской девушкой, в отличие от Тилли, которая любила бывать в библиотеках, театрах и магазинах, а также проводить долгие часы в душевной гостиной с книгой в руках. Милая Тилли...

Складывая письмо, Софи увидела постскрипtum, наспех написанный с обратной стороны последнего листа.

«Джонни и Хелена пригласили меня в Индию. Мама считает, что мне следует поехать. Полагаю, они хотят выдать меня замуж за какого-нибудь подходящего мужчину.

Подскажи, как мне поступить. Ты всегда давала мне дельные советы. Обсудим это на следующей неделе».

Софи испытала приступ беспокойства.

– Что случилось, девочка моя? – спросила тетя Эми.

Эми передала ей последний лист письма.

– Понятно, – сказала тетя. – Ты боишься, что Тилли останется там навсегда.

Девушка кивнула, едва справляясь с паникой. Дружба с Тилли стала неотъемлемой частью ее жизни, и Софи не могла себе представить, что не сможет больше встречаться с ней каждые пару месяцев, как это было с самого их детства. Индия была слишком далеко.

– Не стоит волноваться о том, что, возможно, никогда не случится, – посоветовала ей тетя Эми.

Она понимала, что за улыбками и щебетаньем ее племянница скрывает страх потерять близких. Еще в детстве она узнала, что такое несчастье.

– Ты права, тетя, – согласилась Софи, бодрясь и отгоняя от себя мрачные мысли.

Глава вторая

Сопровождаемая рычанием двигателя и клубами сизого дыма, Софи выехала из Эдинбурга ветреным июньским днем. Укутавшись пледом и укрывшись брезентом, тетя Эми сидела в коляске. Вещи были закреплены на багажнике. Облаченная в бриджи для верховой езды, армейскую куртку и защитные очки, с русыми волосами, собранными в хвост на затылке, Софи сжимала дрожащий руль Раджи, выезжая на дорогу, ведущую в Далкит⁵ и далее, на юг.

Девушка научилась водить мотоцикл в семнадцать лет, в последний год войны, когда работала на станции Красного Креста. Вести учет материалов и медикаментов ей быстро прискучило, и Софи вызвалась развозить одежду и постельное белье по госпиталям и санаториям. Она всегда находила время, чтобы поболтать с ранеными. Один инвалид, майор кавалерии, был настолько очарован ее дружелюбием и приветливой улыбкой, что подарил ей свой старый мотоцикл. Софи, давно любившая механизмы, научилась управляться с этой своенравной машиной, менять камеры (проколы случались довольно часто), чистить клапаны и доливать масло. Софи Логан, восседающая на ревущем мотоцикле, стала обычным явлением в южной части Эдинбурга и на крутых извилистых дорогах близлежащих Пентлендских холмов. Тете нравилось ездить с ней на пикники за город или на морское побережье. Обычно, когда они возвращались, коляска была заполнена выброшенными на берег деревяшками или обломившимися сучьями, из которых Эми делала портсигары или лопатки для размешивания овсяной каши.

Они остановились в Лодере, чтобы перекусить, и в Джедбурге⁶, чтобы выпить чаю.

– Не будем терять время, тетя, – поторапливала Софи, как только ее руки немного отдохали от управления тяжелым мотоциклом на извилистых дорогах. – Дождь так и не начался, и у нас еще есть несколько часов, до того как стемнеет.

Вскоре они выбрались из города и поехали через густой лес. По дороге их обогнал грузовик с открытым кузовом, полным весело улюлюкавших мужчин. Некоторые из них махали руками и свистели, засунув в рот два пальца. О похабных шуточках, которые они отпускали друг другу при виде женщины-водителя, Софи могла лишь догадываться. Скосив глаза, она увидела, как ее тетюшка с достоинством помахала мужчинам рукой, что вызвало еще больше веселья среди улыбающихся работяг. Грузовик умчался вперед, обдав закашлявшихся женщин клубами едкого дыма.

Проехав еще немного, они миновали богатую растительностью местность, и вдоль дороги потянулись скудные вересковые пустоши, однообразие которых изредка прерывалось посадками молодых хвойных деревьев. Чем выше тетя и племянница поднимались в гору, тем сильнее дул ветер, затрудняя управление мотоциклом. Когда они одолели чрезвычайно крутой подъем, небо мгновенно почернело и на их головы внезапно хлынул проливной дождь.

Софи остановилась, чтобы натянуть непромокаемую одежду.

– Может, нам стоит вернуться в Джедбург? – крикнула тетя Эми из-под клеенчатой шляпы.

– Нет, слишком далеко! – ответила ей, перекрикивая шум дождя, Софи. – Мы уже почти доехали до перевала. Переберемся на ту сторону и, если понадобится, остановимся в Оттерберне⁷.

---

⁵ Далкит – город в Шотландии.

⁶ Лодер, Джедбург – небольшие города в Шотландии.

⁷ Оттерберн – город в Шотландии.

Она все еще надеялась приехать в Эдинбург до наступления ночи и удивить Тилли, которая не ожидала увидеть их раньше завтрашнего дня.

Однако Раджа не заводился. Двигатель, потарахтев, окончательно заглох. Софи попыталась завести его еще раз, и еще. По запаху масла она определила, что двигатель залило водой. Зачем она остановилась? Надевая плащ, она уже промокла до нитки, и задержка лишь усугубляла положение тети.

– Нужно поменять масло, – объяснила Софи.

Тетя Эми с обреченным выражением лица стала выбираться из коляски.

– Нет, тетя, пожалуйста, не вылезай.

Сдвинув очки на лоб, Софи взгляделась вдаль сквозь косой дождь. Дорога впереди растворялась в тумане. Последнюю одинокую ферму они проехали много миль назад. Тем не менее ветер доносил запах горящих дров, что свидетельствовало о том, что где-то поблизости есть жилище. Если мотоцикл не заведется, можно будет попроситься в укрытие.

Онемевшими пальцами Софи принялась нащупывать ящик с инструментами, где она держала запасную бутылку масла. Порыв бокового ветра задрал ее накидку, прижимая к лицу.

Тетя Эми с состраданием глядела на это, пока ее терпение не лопнуло.

– Но это же глупо! Ты простудишься. Нам нужно найти убежище. Где-то здесь должен быть пастуший домик.

– Подожди минутку, – не сдавалась Софи.

– Перестань, моя девочка, – проявила упрямство тетя, – брось ты эту чертову машину! Хотя бы до тех пор, пока дождь немного не утихнет.

Софи была уже готова отказаться от своих попыток, но тут неожиданно раздался гул мотора и из тумана выехал грузовик. Прогрохотав мимо машущих руками женщин, он замедлил ход, остановился и, развернувшись, подъехал к ним. Из кабины выпрыгнул стройный молодой человек.

– Добрый день, леди! Мы можем вам чем-нибудь помочь? Мы с Бозом гадали, куда это вы подевались, – улыбнулся он, убирая мокрые волосы с глаз. – Закончился бензин? У нас есть запасной.

– Нет, – сказала Софи, чувствуя себя очень глупо. – Просто нам нужно сменить масло.

– Похоже, вам и одежду нужно сменить.

Софи вспыхнула под его оценивающим взглядом. Одет мужчина был неприятно, но его речь свидетельствовала об образованности.

– Ерунда, справлюсь.

– Позвольте вам помочь, – не отступал мужчина. – Ваша несчастная матушка совсем промокла.

– Благодарю вас, молодой человек, – с готовностью откликнулась тетя Эми, выбравшись наконец из коляски.

Придерживая ее за локоть, мужчина повел тетушку к грузовику.

– Забирайтесь внутрь, и мы отвезем вас в лагерь. Там и обсохнете.

Из-за грузовика широкими шагами вышел высокий рыжеволосый парень с оттопыренными ушами.

– Боз, заberi багаж леди, – распорядился водитель, подсаживая промокшую Эми в кабину.

Затем он обернулся к Софи:

– Скорее запрыгивайте.

Вскоре обе женщины сидели в кабине грузовика между двумя молодыми людьми.

– Меня зовут Тэм Тэлфер, – представился водитель, разворачивая грузовик. – А это Уильям Бозуэлл, но все зовут его просто Боз.

Рыжеволосый приятель водителя застенчиво улыбнулся и кивнул, соглашаясь.

В свою очередь тетя Эми представилась сама и представила свою племянницу.

– Как же нам повезло, что вы проезжали мимо! Бог ответил на наши молитвы.

– Обычно мы называем это по-другому, – рассмеялся Тэм. – Но, если говорить правду, мы искали вас, проезжая перевал. Когда полил дождь, мы с Бозом решили найти попавших в беду дам.

Взглянув на Софи, тетя Эми многозначительно подняла бровь.

– Вы очень наблюдательны, – сказала она.

– А откуда вы узнали, что мы направляемся к перевалу? – озадаченно спросила Софи.

Тэм повернулся к ней и подмигнул.

– У вас багаж как у путешественников, а по этой дороге можно попасть только в Англию.

– Мы наблюдали за вашим мотоциклом, проезжая мимо посадок, – сказал Боз с сильным акцентом. – Тэм предложил пари, сможете ли вы заехать на гору.

– Вон оно что, – сказала Софи с досадой.

А тетя Эми рассмеялась.

– Так вы, значит, лесничие?

– Мы студенты Эдинбургского университета, – ответил Тэм. – А наш преклонный возраст объясняется тем, что благодаря кайзеру наши слишком длинные каникулы во Фландрии начались прежде, чем мы успели окончить курс⁸.

– Молодцы, ребята! – одобритительно произнесла тетя Эми, кивая.

– Это вы обогнали нас к югу от Джедбурга? – спросила Софи, припоминая грузовик, полный смеющихся мужчин.

– Да, – ответил Тэм, бросив на нее веселый взгляд.

Свернув с дороги в просвет между деревьями, он остановился у длинного низкого барака.

– Так сколько же вы выиграли благодаря тому, что я не заехала на гору? – поинтересовалась Софи.

Тэм потянул за рычаг ручного тормоза и заглушил двигатель, а затем уставился на нее своими веселыми ярко-голубыми глазами.

– Я проиграл два шиллинга, – ответил он девушке. – Один я поставил на то, что вы заедете на гору до того, как пойдет дождь.

Забрызганное грязью, но все-таки милое лицо Софи просияло улыбкой.

* * *

Мужчины предоставили дамам одну из комнат, принесли им теплой воды в оцинкованном тазу и оставили их переодеваться.

– Прости меня, тетя, – проговорила Софи, расчесывая мокрые волосы. – Нам не следовало уезжать из Джедбурга, зря я настояла на своем. Похоже, мы застрянем здесь на ночь.

– Да ничего страшного, – беззаботно ответила ей тетя Эми. – Возможно, тут мне удастся разжиться недорогой древесиной.

Она подмигнула племяннице.

Вместе с дюжиной студентов они сидели за выскобленным столом в общей столовой и ели вареный картофель с капустой, ветчиной, горошком и яйцами.

---

⁸ Имеется в виду Первая мировая война.

– Преподаватели здесь не останавливаются, – объяснил Тэм. – Они снимают комфортабельные квартиры в Джедбурге или приезжают сюда из Эдинбурга на день – проследить, чтобы мы не валили нужные деревья и не заходили на чужую территорию.

Он с радостью обнаружил интерес тети Эми к деревьям, и они стали оживленно беседовать о различных породах древесины, об их свойствах и о пригодности для изготовления мебели. Софи тем временем наблюдала за своим новым знакомым. Благодаря внутренней энергии и веселости он мгновенно располагал к себе. Несмотря на большой нос, Тэм был довольно привлекательным: волевой подбородок, пронизательные голубые глаза и стройная фигура. На его затылке Софи заметила не заросший волосами шрам и стала размышлять, где он мог его получить.

– А вы, мисс Логан, разделяете страсть своей тетушки к древесине? – тут же вовлек ее Тэм в разговор.

– Я в восторге от того, что делает тетя Эми, – улыбнулась Софи. – Но мне больше нравятся живые деревья. Ничего не люблю так, как прогулки по лесу.

Тэм обратил на нее удивленный взгляд.

– Но под Эдинбургом мало шансов погулять по лесу.

– Да. Но благодаря Радже я могу быстро добраться до леса на границе с Англией или съездить в Пертшир.

Секунду Тэм не находил, что ответить.

– Она имеет в виду свой мотоцикл, – хохотнула тетушка.

– Вон оно что... А почему вы называете его *Раджа*?

– До шести лет я жила в Индии, – пояснила Софи. – Это ирония – мой мотоцикл главнее, чем я, к сожалению.

Тэм рассмеялся.

– Надо же, как интересно. Некоторые из нас готовятся к работе в Индийской лесной службе. Это мы с Бозом и Рафи, вон он.

Он указал на темноволосого индийца. Тот кивнул и дружелюбно улыбнулся в ответ. Софи обратила внимание на то, что, хотя он и держался абсолютно непринужденно, тем не менее что-то в нем ее встревожило. Возможно, дело было лишь в том, что так скоро после письма Тилли речь снова зашла об Индии.

– Вы собираетесь работать в Индии? – спросила Софи с интересом.

Тэм кивнул.

– Еще месяц практики, затем экзамен в начале сентября – и мы отбываем.

– Не забудь о месяце обучения у лесоводов Франции и Швейцарии, – напомнил Боз.

– Швейцарии?! – воскликнула Софи. – Везет же вам!

– А вы там бывали? – спросил ее Тэм.

– Перед войной тетя возила туда нас с сестрой. Я влюбилась в эту страну.

– Говорят, предгорья Гималаев похожи на швейцарские горы.

Тэм обратился к сидевшему на другом конце стола индийцу:

– Правда, Рафи?

Рафи пожал плечами и рассмеялся.

– Не знаю, Тэлфер, из центра Лахора⁹ их не видно.

Его индийский акцент был почти незаметен.

– Ишь ты, городской мальчик! – шутливо поддел его Тэм. – Даже не знаю, как ты справишься в джунглях.

– Так же, как и ты, Тэлфер. Всю тяжелую работу я поручу местным жителям.

Тэм захохотал.

---

⁹ Лахор – крупный город на территории современного Пакистана.

– Пусть вас не вводят в заблуждение манеры сагиба¹⁰ Рафи, – подмигнул он Софи. – Пять лет в армии и три года студенчества превратили его в жуткого радикала.

Разобрав чашки с чаем, они расселись вокруг очага, наполнявшего помещение ароматным древесным дымком. Тэм достал карты, и дамы тоже приняли участие в игре в рамми¹¹. Боз взял в руки гитару, и все стали распевать военные песни и шотландские баллады.

– Софи тоже играет, – сообщила всем тетя Эми.

– Сто лет не брала в руки гитару, тетя.

– Давайте-давайте, – приободрил ее Тэм. – Мы уже целую неделю слушаем фальшивое пение Боза. Пожалуйста, заберите у него инструмент.

Софи пробежала пальцами по струнам и запела «Красавца принца Чарли». Затем тетя Эми попросила племянницу сыграть северные песни, которым ее выучили Уатсоны. Студенты, хлопая в ладоши, стали подпевать. Тэм сказал, что голос у Софи сладкий, как мед. И хотя девушка понимала, что он из тех, кого называют «дамскими угодниками», ей, тем не менее было приятно его внимание. Что плохого в том, что она ему это позволит? Ведь они, скорее всего, больше никогда не увидятся.

Спать отправились под звуки дождя, все еще барабанившего по оцинкованной крыше. Тэм с Бозом пообещали забрать мотоцикл Софи утром.

Перед рассветом дождь закончился, и наступившая тишина разбудила Софи. Она лежала в полудреме, но храп тети Эми не дал ей снова уснуть. Натянув одежду, девушка босиком направилась в столовую. Ее ботинки до сих пор были влажными, но Софи все равно обулась и вышла наружу.

Над верхушками деревьев поднималось бледно-желтое солнце. Воздух был напоен ароматом сосен и мокрой земли. Закрыв глаза, Софи глубоко вдохнула.

– Лучшее время суток, не правда ли?

Вздвигнув, она резко обернулась. В рубаше и штанах цвета хаки, с взъерошенными после сна волосами, перед ней стоял Тэм и улыбался ей. У Софи екнуло сердце.

– Да, – согласилась она, убирая распущенные волосы за уши. Девушка со смущением вспомнила о том, что не успела причесаться. – Я думала, все еще спят. Хотела пройтись. Не могу уснуть.

– Я могу к вам присоединиться? – спросил Тэм. – Или вам нельзя без дуэньи?

– Моя дуэнья спит без задних ног.

– Так что – рискнем?

Софи кивнула:

– Я буду вести себя хорошо.

Тэм весело усмехнулся в ответ на ее подтрунивания.

Сначала они шли молча. Тэм вел ее по тропинке через лес, затем остановился, указывая на деревья, которые они пометили, а также срубленные и вбитые в землю столбы изгороди.

– Тяжелая работа, – сказал он, – но среди нас белоручек нет. Это армейский урок – поручай другому только то, что можешь сделать сам.

Софи спросила его о войне. Тэм начинал службу рядовым в кавалерии, потом перешел в артиллерийские войска и демобилизовался в звании капитана минометной дивизии.

– Мы с Бозом были минометчиками. Вместе прошли всю войну.

– А вы не встречали майора кавалерии Брюса Макгрегора? – спросила его Софи.

– Я знал капитана с таким именем. Должно быть, это тот самый человек. Высокий, с густыми усами.

---

¹⁰ Сагиб – господин. Обращение к знатному лицу, принятое в Индии.

¹¹ Рамми – карточная игра.

– Теперь он на костылях, лишился ноги, – сказала Софи. – Раджа раньше принадлежал ему. Майор Макгрегор не позволил мне за него заплатить. Сказал, что моя дружба дороже десяти мотоциклов.

Тэм искоса взглянул на нее.

– Кажется, я ревную вас к этому майору.

Софи рассмеялась и покраснела.

– Расскажите еще о Франции, – попросила она.

Но Тэм был не склонен к разговорам о войне.

– Сначала вы расскажите мне об Индии. Мне ведь нужно узнать о ней как можно больше, прежде чем я туда отправлюсь.

– Боюсь, я не тот человек, который сможет вам много рассказать, – вздохнула Софи. – Я почти ничего не помню. Видите ли, мои родители умерли от лихорадки, когда мне было шесть лет. Ужасная внезапная смерть. Мне известно только, что у моего отца была чайная плантация в Ассаме, а моя мать приехала в Индию из Эдинбурга и вышла за него. Я даже не знала бы, как они выглядели, если бы у тети Эми на каминной полке не стояла их фотография. Все это печально, не правда ли?

Остановившись, Тэм положил руку ей на плечо.

– Бедная вы девушка. И у вас нет ни братьев, ни сестер?

– Нет, только тетя и троюродные сестры в Ньюкасле.

Тэм сжал ее плечо.

– Ну, насколько я понял, тетушка Эми заменила вам мать. Ее забота стоит не меньше десяти мотоциклов.

Софи улыбнулась. Ей на глаза навернулись слезы.

– Да, верно. А Тилли, моя троюродная сестра, стоит еще полдюжины.

– Так у вас родственников пруд пруди, – подытожил Тэм.

Они пошли дальше. Обоим было приятно находиться в обществе друг друга, рассказывать о своей жизни в Эдинбурге. Тэм жил в западном пригороде, Роузберне. Он с любовью говорил о своей строгой матери и о старшей сестре Флоре. До войны они были суфражистками, а теперь стали горячими сторонницами «Христианской науки»¹².

– В чем ее суть? – спросила Софи.

– Главное в ней, на мой взгляд, сила молитвы и сознания, способная преодолеть телесную немочь и помочь исцелиться.

Он неуверенно взглянул на девушку, как будто считал, что подобный разговор может ее смутить.

– Продолжайте, – попросила Софи.

– Вместо того чтобы просто сидеть и слушать проповеди, объясняющие, что нужно делать, а что не нужно, – заговорил Тэм, – мы, сторонники «Христианской науки», читаем их друг другу, сосредоточиваясь на том, чтобы другие при этом становились лучше, независимо от того, где мы в это время находимся.

– Что-то вроде оптимистического отношения к жизни?

– Даже более того, – воодушевившись, продолжал он. – Этот порыв сливается с созидющим началом, не важно, как его называть – Отец, Бог.

Тэм обратил на Софи горящий взгляд.

– Порой, находясь на фронте, я уставал до такой степени, что у меня не было сил сползти с койки – полное моральное и физическое истощение. И тогда мой друг, американец, с которым свела меня судьба, предложил мне заняться «Наукой». Поначалу мне эта идея

---

¹² «Христианская наука» – религиозное учение, адепты которого считают, в частности, что посредством молитв можно исцелиться от болезней.

показалась совершенно безумной, но я последовал совету, чтобы не огорчать его. И вдруг ко мне вновь вернулись силы. Ребята думали, что это благодаря ирискам, которые мне прислала мать.

Тэм улыбнулся.

– Но я-то знал, в чем дело. «Христианская наука» дала мне силы держаться, и теперь мои мать с сестрой тоже регулярно ею занимаются. Им нравится то, что у истоков ее учения стояла женщина. Вижу по вашим глазам, что вы считаете меня чокнутым, – произнес он вдруг.

Софи покачала головой и улыбнулась.

– У вас чрезвычайно здоровый вид, поэтому я полагаю, что в этом что-то есть.

Тэм расхохотался.

– Вы мне нравитесь, Софи Логан.

Они шли дальше. Лес неожиданно закончился, и перед ними открылся вид, от которого у Софи перехватило дыхание. Холмы раскинулись вокруг в призрачном предзвездном тумане, а высоко в небе у них над головами звучала трель жаворонка.

Пока девушка созерцала открывшиеся дали, Тэм смотрел на нее, очарованный ее свежим румянцем, огромными карими глазами и полными губами, приоткрытыми в восхищении. Он представил, как ее русые волосы мягкими волнами лежат на подушке койки, которую он уступил ей на эту ночь. «Опасные мысли!» – одернул себя Тэм.

– Мы с вами встретимся еще, Софи? – спросил он, хотя и не собирался этого делать.

Обернувшись к нему, она удивленно улыбнулась. На ее лицо падали лучи утреннего солнца. Тэм взял ее руку и немного задержал в своей, согревая ее огрубевшей ладонью. Софи затрепетала от желания.

Тяжело сглотнув, она ответила:

– Да, Тэм, я бы этого очень хотела.

Глава третья

Ньюкасл

Тилли выглядывала в окно эркера комфортабельного дома, расположенного в пригородном районе Ньюкасла Госфорте, и выбежала наружу, как только услышала громкое тарахтенье мотоцикла. Флосси, вест-хайленд-уайт-терьер, с громким лаем ковыляла позади нее.

Маленькие дети перестали играть и ошеломленно таращились на женщину, восседавшую на мотоцикле; пони, запряженный в фургон развозчика чая, тихо ржал и бил копытом, встревоженный переполохом на обычно тихой улице.

Тилли обхватила пухлыми руками слезающую с мотоцикла Софи.

– Ты, должно быть, мчалась как вихрь, раз приехала так быстро.

– Утром мы выехали с перевала, – широко улыбнулась Софи и обняла сестру.

– С перевала?! – воскликнула Тилли.

– Да, нас похитили дикие лесные жители, – сказала тетя Эми, неуклюже выбираясь из коляски.

– Как интересно, – сказала Тилли. Она бросилась вперед, чтобы ей помочь, и едва не упала из-за толстой Флосси. – Но я ничему не удивляюсь, когда речь идет о вас двоих. Добро пожаловать, тетя Эми!

Тилли поцеловала женщину в щеку и продолжала говорить, ведя ее по ступеням крыльца. Софи тем временем заносила багаж.

Когда был жив отец Тилли, семейство нанимало для различных поручений дворецкого, исполнявшего также обязанности лакея, но после того как он умер во время войны, они стали жить скромнее. Краска на когда-то внушительном фасаде облупилась, а недавно Тилли призналась, что ее матери не по карману содержать этот дом.

Вышла старшая сестра Тилли, Мона, чтобы поприветствовать гостей.

– Пусть Тилли понесет один из ваших чемоданов, – распорядилась она. – Как добрались? Не понимаю, почему вы не захотели приехать на поезде.

Софи попыталась ей объяснить, что езда на мотоцикле – это небольшое приключение, но ее старания оказались тщетными, потому что Мона продолжала без паузы:

– Как только вы придете в себя с дороги, мы будем пить чай в гостиной. Скажу кухарке, что вы приехали. Мать отдыхает. Ей сегодня было очень плохо. Наверное, все дело в пыльце.

– Какая жалость! – сказала тетя Эми.

– Может быть, позже вы проведаете ее. Эй, Тилли, – крикнула Мона сестре, придерживая Флосси, – аккуратнее, ты бьешь чемоданом по перилам!

– Ах, какая я неловкая! – смутилась Тилли.

– Ничего страшного, – вмешалась Софи. – Этому чемодану уже сто лет.

– А перилам – нет, – ответила Мона. – Тилли, подними чемодан повыше. Вот так.

Остановившись на лестничной площадке, чтобы отдышаться, Тилли закатила глаза.

– Я для Моны буду пятилетним ребенком, даже когда меня будут возить на кресле-каталке.

– И я тоже, – улыбнулась Софи.

– Нет, – замотала головой Тилли. – Она лишь притворяется, что осуждает тебя, а втайне восхищается твоим независимым характером. Мы, Уатсоны, все восхищаемся тобой.

За чаем с бисквитным пирогом обсуждали новости. Другая сестра Тилли, Джейкобина, удачно устроилась на должность гувернантки где-то в пригороде Инвернесса¹³, но, поскольку это было очень далеко, на день рождения приехать не смогла. Разговором руководила Мона. Когда тема о ее замужней жизни в Данбаре и о ее муже, успешно торговавшем зерном, исчерпалась, Мона обратила пристальное внимание на младшую сестру, скармливавшую лакомые кусочки старой собаке.

– Ты же знаешь, что Флосси нельзя кормить пирогом, она и так толстая. Хотите еще чаю, тетя Эми? Да, я благодарна Уолтеру за то, что он приехал и помог с приготовлениями ко дню рождения Тилли. У нее есть ухажер, она говорила вам об этом?

– Не преувеличивай, – сказала Тилли, и ее круглое лицо, обрамленное копной рыжих кудрей, стало пунцовым.

Она принялась энергично гладить Флосси.

– На этой неделе он приходил дважды и прислал огромный букет цветов, а ведь это был не день ее рождения.

– Цветы были и для мамы тоже.

Софи заметила, как от замечания Моны карие глаза Тилли засияли, а на щеках обозначились ямочки.

– Сейчас же рассказывай! В своем последнем письме ты не упоминала о букете.

– Да что тут рассказывать...

– Его зовут Джеймс Робсон, – сообщила Мона вместо сестры. – Он чайный плантатор. Удивительно, что Тилли не упоминала о нем, тем более если учитывать связь твоего отца с «Оксфордской чайной компанией». Они оба работали в ней управляющими, так ведь? Мистер Робсон говорил, что знал тебя ребенком, еще до того как внезапно скончались твои родители.

– Мона, едва ли Софи приятно слышать напоминания...

– Да я совсем не против, – поспешила заверить сестер Софи.

Никто даже не догадывался о том, что тяжелее всего для нее было как раз стремление окружающих не упоминать о ее родителях. Она улыбнулась Тилли.

– Мистер Робсон, да? Это тот, что проявил интерес к Флосси?

– Он... Вообще-то он милый, – запинаясь и накручивая рыжий локон на палец, сказала Тилли.

– Он слегка староват, – заметила Мона. – Тебе стоило бы задаться вопросом, почему в сорок пять он до сих пор не женат.

– Откуда ты знаешь, сколько ему лет?! – воскликнула Тилли.

– Разумеется, я спросила об этом у Кларри Робсон. Она знает о Робсонах все, поскольку замужем за кузеном Джеймса. Кларри немного насторожилась, когда я поинтересовалась ее мнением о нем, а затем сообщила, что у него хорошая деловая хватка.

– Мона! Ты не имеешь права выпрашивать о мистере Робсоне, во всяком случае от моего имени. Я его почти не знаю.

– Вот именно, – сказала Мона, – поэтому я и должна была навести справки. Не хочу, чтобы наша малышка Тилли попала впросак. Еще чаю, тетя Эми?

– Спасибо, – сказала Эми, протягивая чашку. – Не сомневаюсь, что Тилли сама в состоянии разобраться в отношениях с мистером Робсоном, дорогая моя Мона.

– Джонни, видимо, его знает? – предположила Софи. – Он доверил ему привезти свои свадебные фотографии.

---

¹³ Инвернесс – город в Шотландии.

– Он пару раз пил с ним виски в каком-то клубе в Шиллонге¹⁴, – поджав губы, ответила Мона. – Вряд ли это можно считать хорошей рекомендацией.

– Все было не так, – возразила Тилли. – Кларри и Уэсли познакомили их, когда Джонни направили работать врачом в Шиллонг, в госпиталь туземного добровольческого пехотного полка. Джеймс Робсон страдал от мучительной зубной боли, а поскольку до ближайшего дантиста было не меньше ста миль, зуб ему вырвал Джонни. Мистер Робсон был очень благодарен и в ответ устроил для нашего брата двухдневную охоту.

– Так этот твой мистер Робсон не только старый, но еще и беззубый, – широко улыбнулась Софи.

– Ну, прекрати, никакой он не мой, – захихикала Тилли и хлопнула кузину по руке, из-за чего та разлила чай себе на юбку.

– Тилли, смотри, что ты наделала, – отчитала сестру Мона. – Какая же ты неуклюжая!

– Извини, Софи, – сказала Тилли, сунув подруге свою льняную салфетку.

Софи принялась промакивать пятно.

– Да ладно, я это заслужила.

– Расскажите еще о диких лесных обитателях, – попросила Тилли, переводя разговор на другую тему.

– О диких лесных обитателях? – переспросила Мона, учуяв свежую сплетню.

Тетя Эми вкратце поведала об их спасении во время ливня.

– И вы провели всю ночь в их лагере? – изумленно ахнула Мона.

– И даже остались живы, – сухо ответила Софи. – Среди них есть люди, которые собираются работать в Индии.

– Интересно, кто-нибудь из них поедет в Ассам? – спросила Тилли. – Кларри это заинтересовало бы. Они с Уэсли помогли оплатить обучение на лесника своему молодому приятелю-индийцу.

– Индийцу? – нахмурилась Мона. – Это еще зачем?

– Он внучатый племянник ее бывшего слуги или кого-то в этом роде. Воевал во Фландрии.

– Среди студентов из Эдинбурга тоже есть индеец, – сказала тетя Эми. – Его зовут Рафи Хан. Это мусульманское имя.

Тилли отрицательно покачала головой.

– Нет, это не он. Но мы спросим у Кларри, когда она придет на день рождения.

– Господи боже! – воскликнула Мона. – Давайте прекратим разговор о лесных обитателях и об индийцах, пока не пришла наша мать.

Она позвонила в колокольчик, чтобы кухарка унесла поднос с чайной посудой.

– А ты, Тилли, лучше помоги Софи сменить мокрую юбку и застирать ее, пока пятно не въелось в ткань.

Подружки тут же вскочили, пользуясь возможностью сбежать наверх.

* * *

В спальне Тилли царил беспорядок. Повсюду лежали книги и альбомы для почтовых марок. Старый детский столик был завален конвертами и стопками не разобранных и не разложенных по классерам марок.

– Джонни прислал мне индийские. А еще он дружен с капелланом из Австралии, который тоже будет собирать для меня марки. Я так скучаю по Джонни!

Вздыхнув, Тилли упала на кровать.

---

¹⁴ Шиллонг – город на северо-востоке Индии, во времена описываемых событий столица штата Ассам.

– Некому за меня вступиться, когда мама с Моной ко мне придираются.

Софи сняла юбку.

– Придется надеть бриджи. У меня с собой только эта юбка и платье для твоего дня рождения.

Она стала отмывать пятно холодной водой из умывальника.

– Так ты, значит, собираешься навестить Джонни?

– Возможно, мне придется это сделать, – неожиданно печальным голосом ответила Тилли, пожимая плечами.

– Что ты хочешь этим сказать?

Тилли снова принялась накручивать локон на палец. Этот признак ее волнения был хорошо знаком Софи.

– Ну, выкладывай.

Отложив юбку, Софи уселась на кровать рядом с кухней.

– Я не могу говорить об этом до дня рождения.

– Мне-то ты можешь все рассказать, – подбодрила ее Софи. – Ты же знаешь – я никому не проболтаюсь.

– Мама собирается переехать к Моне, – сказала Тилли, ссутулившись.

– Да, ты писала мне об этом. Но это же только на лето?

– Нет, – покачала головой Тилли. – Навсегда. Мама продает дом. Я вызвалась быть домработницей, готовить еду, если это позволит маме здесь остаться, но Мона с Уолтером сказали, что об этом не может быть и речи и что я все равно не справлюсь.

– Нет, ты справишься!

– Все хуже, чем я думала, – покачала головой Тилли. – У нас долги. На обучение Джонни пришлось истратить все сбережения нашей матери. Уолтер говорит, что, продав дом, мы сможем их погасить и останется еще немного на приличную жизнь.

– А как же вы с Джейкобиной?! – воскликнула Софи. – Это и ваш дом тоже.

– Теперь уже нет. И Джейкобина, в отличие от меня, не возражает. Ей нравятся горы Северной Шотландии, а жизнь в городе совершенно ее не привлекает.

Софи видела, как увлажнились глаза Тилли. Она обняла подругу за пухлые плечи.

– Не переживай, все не так уж и плохо. Данбар – хороший город, и мы будем даже ближе друг к другу.

Тилли замотала головой.

– Мона смогла убедить маму, что меня лучше отправить в Индию, к Джонни с Хеленой, что там у меня будет больше возможностей выйти замуж. Мона не хочет, чтобы я была для них обузой в Данбаре.

– Она хвасталась тем, как прекрасно идут дела у ее Уолтера, – презрительно фыркнула Софи.

– Мона просто хорохорится, – сказала Тилли, подняв на подругу горестный взгляд. – После войны дела у фермеров идут неважно.

– И что же ты собираешься делать? – спросила Софи.

Тилли нахмурилась.

– Конечно, мне хочется снова повидать Джонни... Но я даже не знаю, что хуже: выйти замуж за кого-то, кого я едва знаю, или остаться в старых девах и вернуться к маме и Моне неудачницей.

– Дорогая Тилли! – воскликнула Софи. – Готова поспорить, молодые офицеры в Пинди будут стоять в очереди, чтобы добиться твоей благосклонности. Ты самая милая, самая добрая девушка, какую я только знаю.

Тилли вспыхнула, борясь с желанием улыбнуться.

– Ерунда.

– Нет, не ерунда, – возразила Софи. – А если ты не найдешь достойного кавалера, ты всегда сможешь вернуться и жить у нас с тетей.

– Правда? – просияла Тилли.

– Разумеется.

У Тилли задрожал подбородок и скатилась слезинка по щеке.

– О лучшей подруге я не могла и мечтать, – сказала она сдавленным голосом, и девушки крепко обнялись.

Глава четвертая

Войдя в «Чайную Герберта», Софи была поражена буйством красок, казавшихся особенно яркими после серых пыльных улиц западной окраины Ньюкасла. Помещение было украшено разноцветными лентами и китайскими фонариками; на столах, покрытых накрахмаленными белыми скатертями, стояли вазы с цветами и блюда с лакомствами: сэндвичами, фруктовыми пирожными и ломтями шоколадного торта, который Тилли любила больше всего.

Софи разглядывала ярко-желтые стены с изображениями сфинксов, увешанные драгоценностями фараонов и исписанные черными египетскими иероглифами, пальмовые ветви в латунных подставках на мозаичном черно-белом полу.

Странно было попасть из шумной обыденности рабочего квартала в этот ослепительно яркий оазис праздника, наполненный звуками струнного квартета.

Встревоженная Тилли ухватила за руку Софи.

– Зачем накрыли так много столов? Я хотела, чтобы все было скромно.

Привлекательная темноволосая женщина в старомодном платье подошла поприветствовать их.

– С днем рождения, Тилли! – сказала женщина, целуя ее в покрасневшую щеку. – Тебе очень идет это синее платье.

– Кларри, какое великолепие! – Тилли изумленно уставилась на хозяйку. – Столько хлопот. Я этого не заслуживаю.

– Несомненно, заслуживаешь, и не такие уж это хлопоты, – улыбнулась Кларри. – Всю работу сделали Лекси с девочками.

Она обернулась к Софи, восхищенно глядя на стройную девушку в коротком платье из кремового крепдешина, изящной черной шляпке и лайковых перчатках.

– Неужто эта прекрасная юная леди и есть та самая Софи Логан? И она по-прежнему любит пирожные с заварным кремом?

Софи расхохоталась, пожимая Кларри руку.

– Еще как! А у вас они по-прежнему самые лучшие в стране?

– Ты все так же мила, как я погляжу. И пирожные все так же хороши. Ешь, сколько сможешь. Лекси будет очень рада.

– Какое прекрасное кафе! – восторженно отметила Софи. – В Эдинбурге я ничего подобного не видела, хотя кафе там много.

– Это не моя заслуга. Моя сестра Олив украсила помещение в современном стиле, – сказала Кларри. – С тех пор как я переехала жить в Индию, она помогает Лекси вести здесь дела. Мы с мужем сейчас лишь финансируем это кафе.

– А где Адела? – спросила Тилли. – Я надеялась, что она будет здесь.

– Олив приглаживает сегодня за этой маленькой дикаркой. Старшие братья и сестры скоро совсем ее разбалуют.

– Да, я знаю, как это бывает. – Широко улыбаясь, Софи взяла Тилли под руку.

Кларри поприветствовала мать и сестру Тилли и провела их внутрь. Она сразу же усадила миссис Уатсон на стул, заметив ее затрудненное дыхание и бледный вид. Мона встала у дверей, крепко удерживая Тилли за руку, чтобы та не смогла сбежать, и приветствовала входящих друзей и знакомых. Перехватив молящий взгляд Тилли, Софи не отходила от нее далеко, поражаясь количеству прибывающих гостей, с которыми виновница торжества, заикаясь, застенчиво здоровалась, приглашая их проходить. Когда зал заполнился пришедшими, Софи увела Тилли от Моны и представила Кларри тете Эми.

– Одна моя подруга-суфражистка очень почтительно отзывалась о вас, миссис Робсон, – сказала тетя Эми, – за то, что вы предоставили им кафе для проведения протеста против правительственной переписи населения перед войной.

– Ах да, какая ночь была тогда! Мы веселились до рассвета! – Кларри хлопнула в ладоши, вспоминая. – Как зовут вашу подругу?

– Флоренс Бил. Она считает вас очень смелой, ведь вы тогда недавно открылись, и, несомненно, многие вас за это осуждали.

– Милая Флоренс! Да, меня многие осуждали, – признала Кларри. – И мой старший пасынок в том числе. Но я тогда пришла к выводу: если что-то вызывает гнев у Берти, значит, это стоящее дело.

Кларри грустно улыбнулась.

– Вам, девочки, – обернулась она к Тилли, – лучше найти себе компанию среди ровесников. Почему бы вам не присоединиться вон к тем ребятам? Наверное, они квакеры¹⁵.

– В основном это члены теннисного клуба, – ответила Тилли, обеспокоенно глядя на группу молодых людей.

– Теннисного клуба? – удивленно переспросила Софи.

– По правде говоря, я там больше играю в бридж¹⁶, чем в теннис, – хихикнула Тилли. – Должно быть, их пригласила Мона.

Видя нежелание Тилли туда идти, Софи взяла ее под руку.

– Идем, представишь меня своим друзьям-спортсменам, а потом мы пойдем набивать желудки тортом.

Рядом с Софи этот вечер показался Тилли не столь мучительным. Лучше всего она чувствовала себя в небольшом кругу самых близких людей. Но Софи могла завязать разговор с кем угодно, и вскоре кружок теннисистов хохотал от ее историй о том, как они с Тилли в детстве проводили каникулы в горах Пентланда, навещая в Перте¹⁷ дедушку Дениэла, бывшего вязальщика рыболовных сетей.

– Он научил нас ловить рыбу, – сказала Софи. – Кроме нее он ничего не умеет готовить, поэтому мы рыбачили почти ежедневно. Когда приходило время ее чистить, Тилли говорила, что вдруг почувствовала себя вегетарианкой, и исчезала, прихватив книжку.

– Брр, не выношу эти слизкие внутренности! – поморщилась Тилли.

Софи подтолкнула ее локтем.

– Но ты быстро отказывалась от вегетарианства, когда рыба была готова и приходило время ее есть.

– А еще дедушка водил нас в мюзик-холл, – вспомнила Тилли. – И предупреждал, чтобы мы не повторяли его шуток, а то мама и тетя Эми больше никогда нас с ним не оставят.

Все пришли к согласию, что такого дедушку Дениэла каждый хотел бы иметь. Молодые люди стали приглашать девушек на танцы и заполнять их карточки. Софи заметила, что Тилли то и дело бросает взгляд на входную дверь, и подумала, что она, должно быть, ожидает появления Джеймса Робсона, желая оставить несколько танцев для него. Софи вообще-то было интересно увидеть этого чайного плантатора, и она считала, что так опаздывать неучтиво с его стороны.

Между тем Мона поманила Тилли к себе, чтобы та вышла на середину зала, где официантка с подносом разносила присутствующим небольшие бокалы пунша, чтобы гости могли

---

¹⁵ Квакеры – члены религиозной христианской общины, основанной в XVII ст. в Англии. Отвергают институт священников и церковные таинства.

¹⁶ Бридж – карточная игра.

¹⁷ Перт – город в Шотландии.

поднять их за именинницу. По поручению матери Мона произнесла небольшой тост, в котором поблагодарила друзей за визит.

– Я очень люблю свою младшую сестру, – сказала Мона, – несмотря на то что все эти годы она выводила нас из терпения рассеянностью и неуклюжестью. Но добрее сердца и мягче характера вы не сыщете. Жаль, что с нами сегодня нет сестры Джейкобины и нашего милого брата Джонни. И, разумеется, нам всем не достает нашего дорогого папы. Но они всегда в наших мыслях и сердцах. Так давайте же поднимем бокалы за нашу Тилли!

– За Тилли! – воскликнули все хором и выпили.

Гости с ожиданием обратили взгляды на именинницу.

– С-спасибо, – вспыхнула Тилли.

Чрезвычайно смущенная всеобщим вниманием, она не смогла придумать ничего лучше.

– В общем, – сказала Мона, – угощайтесь, танцуйте, и спасибо за то, что пришли. Вот что имела в виду Тилли.

Виновница торжества кивнула и улыбнулась, желая провалиться сквозь землю.

Появившаяся рядом с ней Софи взяла ее за локоть и прошептала:

– А теперь – торт.

И увлекла подругу к столу.

Двое молодых людей из теннисного клуба пригласили сестер на первый танец – медленный тустеп. Затем был вальс, во время которого Тилли умудрилась оттоптать ноги партнеру, потом «Веселые Гордоны»¹⁸ – на этот танец ее пригласил сын их семейного доктора. У девушки закружилась голова, и несколько следующих танцев пришлось пропустить. Глядя, как Софи отплясывает игривую польку, Тилли с сожалением подумала о том, что у нее нет и половины ловкости и грации ее кузины. Молодые люди становились в очередь, чтобы потанцевать с хорошенькой Софи, а она, похоже, знала все новомодные танцы, включая энергичный фокстрот, вызвавший у Моны осуждение.

Танцы подходили к концу, и надежда на появление Джеймса Робсона уже почти покинула Тилли, как вдруг она заметила у дверей его коренастую фигуру, одетую в мятый льняной костюм. Джеймс дымил сигарой. Его обветренное лицо, оттеняемое жестким белым воротничком, было привлекательно своей грубостью. Джеймс Робсон смотрел в сторону Тилли, и она уже привстала, собираясь помахать ему рукой, но тут поняла, что он смотрит мимо нее. Оглянувшись, она увидела, что его внимание сосредоточено на Софи, кружащейся в шотландском народном танце. Вновь обернувшись к Джеймсу, Тилли, уязвленная его восхищением, адресованным ее сестре, опустила на стул.

Мона подлетела к Джеймсу и, увлекая его за собой, направилась к членам своей семьи. Мать Тилли рассеянно поздоровалась с новоприбывшим гостем – жара и большое количество людей в чайной угнетали ее не меньше, чем Тилли. Тетя Эми, напротив, весьма дружелюбно улыбалась, пожимая гостью руку.

– Очень рада вновь с вами увидеться, мистер Робсон, – сказала она, сияя. – Софи тоже с нетерпением ждет встречи с вами. Вон она танцует.

– Я так и подумал, что это, должно быть, она. Сходство с матерью поразительное.

– Да, действительно, – согласилась тетя Эми. – Софи желает лично поблагодарить вас за помощь в ее образовании.

– Это лишнее, – проворчал Джеймс.

Обернувшись к Тилли, он вручил ей подарок.

– С днем рождения, Матильда.

---

¹⁸ «Веселые Гордоны» – быстрый шотландский танец.

Произнося эти слова, Джеймс хмурился. Секунду Тилли не могла сообразить, кто такая Матильда, поскольку никто не звал ее так с тех пор, как она окончила школу, а это произошло, когда ей было пятнадцать.

– Благодарю вас.

Она приняла подарок, не желая распаковывать его на глазах у любопытной родни.

– Можно, я открою его позже?

– Как вам будет угодно, – ответил Джеймс, почувствовав ее неловкость.

Он подумал, что, пожалуй, напрасно пришел. Внимание немолодого мужчины явно смущало девушку.

– Там всего лишь шкатулка для безделушек, сделанная из папье-маше. Я купил ее в универмаге.

Тилли покраснела еще гуще, не находя вежливого ответа.

– Это очень полезная вещь, – пришла ей на помощь Мона. – Присаживайтесь, пожалуйста, с нами, мистер Робсон, мы закажем еще чаю. Мы ждали вас раньше. Танцы уже почти закончились. В пять часов у ансамбля следующий ангажемент.

Джеймс смутился.

– Боюсь, я не любитель танцев.

– Что ж, в этом вы с моей сестрой похожи, – бесцеремонно заметила Мона.

Осторожно усевшись на изящный стул, Джеймс широко расставил ноги, словно боялся, что тот подломится под его весом. Всегда наготове, Кларри подошла с официанткой, несущей чайник свежесваренного чая, и вновь наполнила блюда с сэндвичами. Они с Джеймсом сдержанно поздоровались, после чего Кларри поспешила отойти по делам.

Тетя Эми попыталась вовлечь Джеймса в разговор.

– Как прошла поездка?

– Спасибо, хорошо.

– Надолго ли вы приехали в Англию?

– На полтора месяца.

– Это не очень долго. Значит, вы возвращаетесь...

– Через месяц.

– Может быть, у вас найдется время, чтобы побывать у нас в Эдинбурге?

– Возможно, – ответил Джеймс, снова взглянув на танцующую Софи.

При этом он так энергично принялся размешивать сахар, что расплескал чай на блюдце. Джеймс заметил, что женщины переглянулись. Подолгу живя в глуши в окружении собак, он привык к одиночеству. Неискушенный в светских беседах, Джеймс был бы рад, если бы они говорили друг с другом. Все его общение сводилось к обсуждению деловых вопросов с подчиненными, и после проведенного в седле дня он уставал настолько, что сил на визиты вежливости уже не оставалось. К тому же до ближайших соседей было много миль, и эти люди были так же заняты, как и он сам.

Эми предприняла еще одну попытку.

– Надеюсь, чайные плантации процветают?

– Мы прикладываем к этому максимум усилий, – сказал Джеймс, отхлебнув чаю.

«В “Чайной Герберта” подают хороший чай», – подумал он со смешанным чувством зависти и восхищения. Мужчина ухватился за предложенную тему:

– После войны дела идут не очень хорошо. На складах скопились большие запасы товара, и, как только наладилась безопасная перевозка морем, рынок наполнился чаем. Во время войны плантаторов призывали выращивать как можно больше чая, что привело в итоге к значительному перепроизводству.

– Ну, для нас, потребителей, это неплохо, не так ли? – сказала тетя Эми. – Цены на чай снизились.

– Точно, – поддержала ее Мона. – Тем, кто ведет домашнее хозяйство, снижение цен только на руку.

– В долгосрочной перспективе обвал цен имеет отрицательные последствия, – произнес Джеймс, сдерживая раздражение. – Не получив достаточного количества доходов, мы не можем вкладывать средства в новое оборудование, следовательно, производство становится неэффективным, а то и вовсе прекращается из-за нерентабельности. Потом, через пару лет упадка, вы снова столкнетесь с резким ростом цен. Мы были вынуждены уменьшить объемы производства, и, кроме того, испанский грипп существенно сократил число работников, поэтому нам пришлось нести дополнительные расходы по найму новой рабочей силы.

– О да, в свое время в газетах была большая шумиха в связи с рабочими на чайных плантациях, – вспомнила тетя Эми. – Множество людей ушло из-за эпидемии и плохих условий проживания.

– Они сделали это, подстрекаемые агитаторами, – сердито бросил Джеймс. – Ганди, этот бунтарь, засылал своих приспешников, чтобы те подбивали кули¹⁹ поднять мятеж. Но теперь все успокоилось. У нас в Оксфорде нет с этим никаких проблем, хотя некоторые плантации прекратили свое существование.

Воцарилось неловкое молчание. Тилли обеспокоенно обвела взглядом сидящих за столом. У матери был нездоровый вид. Мона, подняв брови, смотрела на оживившуюся тетю Эми, а Джеймс выглядел раздраженным. Тилли хотелось, чтобы он почувствовал себя непринужденно, кроме того, ей не терпелось продемонстрировать, что она тоже кое-что понимает в чайном деле. Очевидно, так она могла бы завоевать его сердце.

– Кларри говорит, что ваш кузен Уэсли весьма успешно ведет дела в Белгури, – произнесла девушка робко. – Она говорит, что ныне снова наступили благоприятные времена для мелких производителей высококачественного чая, после военных лет, когда людям приходилось довольствоваться низкосортным продуктом. Ваши оксфордские плантации принадлежат к их числу, мистер Робсон?

К ее ужасу, он пришел в ярость.

– Разумеется, нет! Уэсли позволил своим чувствам затмить разум. Все это он делает лишь для того, чтобы улаживать Кларри, выросшую там. Это хозяйство не приносило доходов даже во времена старика Джона Белхейвена. Белгури никогда не станет таким же процветающим хозяйством, как Оксфорд. Оно держится лишь за счет того, что Уэсли вложил туда уйму денег. Понятия не имею, как ему удалось втравить пайщиков в эту авантюру. Он очень серьезно ошибся.

Танцы закончились, и, когда музыканты прятали свои инструменты в кофры, запыхавшаяся Софи подошла к столу. Она сразу же заметила пылающие щеки Тилли и ее глаза, блестящие от слез. Что же могло ее так расстроить?

Тетя Эми первая нарушила тягостное молчание, представив племяннице похожего на бульдога мужчину с толстой красной шеей и пронзительными голубыми глазами.

– Софи, познакомься, это мистер Джеймс Робсон.

Поднявшись, он слегка поклонился и после секундного раздумья крепко пожал ей руку.

– Очень рада познакомиться с вами, мистер Робсон.

Улыбаясь, Софи отдернула руку, стараясь не поморщиться. Его широкие плечи и выступающий вперед подбородок вызвали в ней тень какого-то смутного воспоминания.

Он улыбнулся уголками губ.

– Вы похожи на свою мать.

– Правда?

---

¹⁹ Кули – чернорабочие индийского происхождения.

Софи вдруг переполнило осознание того, что этот человек знал ее родителей, что именно он увез ее из Индии в Шотландию. У нее защипало глаза.

– Я вам очень благодарна за то, что вы для меня сделали, и за ту финансовую поддержку, которую вы оказали нам с тетей.

Джеймс смущенно откашлялся.

– Да ничего особенного. Мне это было приятно. Я ведь был дружен с вашими родителями. Такое горе!

Софи переполняло множество вопросов.

– Я столько всего хочу у вас спросить об Индии. Сама я почти ничего не помню.

– Наверное, сейчас для этого не самое подходящее время и место, – мягко заметила ее тетя. – Надеюсь, мистер Робсон найдет время посетить нас до своего отъезда и мы сможем хотя бы отчасти отблагодарить его за доброту.

– Да, конечно, – воодушевленно поддержала ее Софи. – Пожалуйста, приезжайте.

Джеймс улыбнулся, польщенный приглашением привлекательной девушки. Движимый не вполне осознанным стремлением, он принялся расспрашивать ее о жизни в Эдинбурге. Софи рассказала ему о своей работе в Шотландском благотворительном обществе, о том, как выполняла во время войны поручения Красного Креста, и о своей любви к езде на мотоцикле. Джеймс увлеченно слушал ее, хотя и был слегка ошеломлен ее современными привычками. Воспитание, которое получила Софи, живя с одинокой тетей, показалось ему недостаточно строгим. Отец Софи, Билл Логан, такого бы не одобрил.

Между тем остальные гости прощались и покидали чайную. Но Джеймсу, увлеченному разговором с Софи, уходить совсем не хотелось.

Неожиданно Тилли поднялась из-за стола.

– Мама, у тебя нездоровый вид. Может, поедem домой?

Миссис Уатсон с облегчением кивнула и потянулась за тростью.

– Я отвезу тебя домой, мама, – перехватила инициативу Мона. – А ты, Тилли, оставайся и попрощайся с гостями.

– Почти все уже разъехались, и я, пожалуй, поеду с вами, – сказала Тилли, с мольбой глядя на сестру. – Я тоже не очень хорошо себя чувствую.

– Объелась торта? – шутливо поддразнила ее Софи.

Однако, увидев несчастный взгляд подруги, она вскочила на ноги.

– Прости, Тилли, я не хотела...

– Не беспокойся, – оборвала ее та.

– Да, – фыркнула Мона, – полагаю, нам всем уже пора домой.

Софи озадаченно замолчала, а Мона обратилась к Джеймсу:

– Мама неважно себя чувствует. Желая вам, мистер Робсон, приятно провести время в Ньюкасле. До свидания.

– Могу ли я навестить вас на следующей неделе? – поинтересовался Джеймс.

– Нас здесь не будет, – резко ответила Мона. – В понедельник мама и Тилли поедут со мной в Данбар.

Софи удивленно взглянула на Тилли, но та не стала отрицать слова Моны.

Мона подала Кларри знак, и та послала официантку на улицу – поймать такси. Джеймс, оскорбившись неожиданно пренебрежительным отношением со стороны Уатсонов, быстро распрощался и ушел. Пока все выражали благодарность персоналу «Чайной Герберта», Кларри обратилась к Тилли, взяв ее за руки:

– Надеюсь, ты хорошо провела время?

Кивнув, Тилли проглотила слезы.

– Джеймс Робсон тебя не обидел?

– Какое мне дело до мистера Робсона? – принужденно рассмеялась Тилли.

– Он больше привык к мужской компании, – сказала Кларри вполголоса, – и среди девушек чувствует себя неловко. Но если он не заметил такой хорошенькой особы, как ты, то он просто сумасшедший.

Тилли улыбнулась, стараясь унять ревность из-за того, что Джеймс, похоже, был так пленен ее кулинарией, что на нее не обращал внимания.

Вернувшись домой, миссис Уатсон отправилась в постель, а тетя Эми вызвалась посидеть с ней и почитать, оставив сестер одних.

Мона тут же принялась осуждать мистера Робсона:

– Какая грубость с его стороны – прийти в конце вечера и читать нам лекции о чайном бизнесе, как будто нам это интересно.

– Не хочу об этом говорить, – сказала Тилли, падая на стул с книжкой в руках.

– А как он критиковал нашу дорогую Кларри в нашем присутствии и отчитывал тебя, как будто ты ребенок! У него отвратительные манеры!

– А что он сказал? – спросила Софи. – Я видела, что тебя что-то огорчило.

– Это ты виновата! – набросилась Мона на кузину. – Ты привлекла его внимание к себе. Сегодня день рождения у *Тилли*, а не у тебя. Полагаю, тебе следовало быть тактичнее.

– Простите меня, – сказала Софи с сожалением. – Я всего лишь старалась поддержать разговор. Остальные ведь молчали.

– Леди иногда следует меньше говорить и больше слушать, – продолжала Мона.

– Извини меня, Тилли.

Софи села рядом с подругой, но Тилли не отрывала глаз от книги.

– Ладно, – сердито подытожила Мона, – зато мы узнали, какой он зануда. И чай он пил, как землекоп. Думаю, этот человек совсем не годится на роль мужа. Тилли, ты найдешь себе кого-нибудь гораздо лучше, чем этот Джеймс Робсон!

– Ты несправедлива к нему, – возразила Софи. – Полагаю, он просто был немного смущен женским обществом. Видимо, в Ассаме он нечасто бывал среди дам.

– Тем более Тилли не следует давать ему надежду, – сказала Мона. – Она же не хочет оказаться в глухомани, за сотни миль от приличного общества?

– Тилли может жить где угодно, лишь бы там было побольше книг.

Софи подтолкнула подругу локтем.

Отбросив книгу, Тилли вскочила на ноги.

– Откуда вам обеим знать, чего я хочу?! Но я не буду давать ему надежду, потому что совершенно ясно: он мной не интересуется, и мне тоже нет до него никакого дела. Так что, Софи, можешь взять его себе.

Выбежав из гостиной, Тилли затопала по лестнице, оставив сестер сидеть с открытыми ртами.

Софи хотела броситься следом за ней, но Мона ее остановила.

– Тилли поймет, что все к лучшему, когда поедет к Джонни и Хелене в Равалпинди. У моей невестки хорошие связи в Индии, она из семьи военных, три поколения которой живут в этой стране. Она подыщет моей сестре подходящего молодого офицера и, возможно, сумеет научить ее вести домашнее хозяйство. Мне это не удалось.

Мона продолжала развивать эту тему:

– Робсоны всего лишь бизнесмены. В Индии, как мне говорили, они не имеют большого веса.

– Но ведь видно, что Тилли испытывает к этому человеку привязанность, – заметила Софи. – В противном случае она бы не изображала столь усердно обратное.

– Оставим привязанность для собак, – резко возразила Мона. – В семейной жизни это не имеет большого значения. Важнее финансовая обеспеченность и происхождение. Очень хорошо, когда люди так же легко ладят друг с другом в браке, как мы с Уолтером.

Не вняв совету Моны оставить Тилли в покое, Софи постучала в ее дверь и попыталась войти. Дверь оказалась запертой, а кухня не ответила на ее призывы.

– Прости меня, Тилли, – сказала Софи в замочную скважину. – Не держи на меня зла. Я всего лишь хотела расспросить Робсона о своих родителях, только и всего. Он больше остальных может рассказать мне о них. Не сердись на меня.

Но Тилли продолжала молчать, и Софи оставила свои попытки, вздохнув с отчаянием:
– Глупышка Тилли!

Тилли лежала на кровати, закутавшись в мягкую шерстяную шаль, которую прислал ей Джонни из Индии. Она чувствовала себя несчастной. Ей хотелось броситься к двери и впустить Софи в комнату. Но почему же она этого не сделала? За что она казнит свою лучшую подругу? Тилли было ясно, что ее троюродная сестра не интересуется Джеймсом Робсоном и видит в нем лишь друга своих покойных родителей. Она достаточно хорошо знала Софи. Даже если бы та и была равнодушна к плантатору, то все равно не стала бы переходить дорогу Тилли. Дело было не в этом.

Тилли огорчало то, с каким восхищением и вожделением Джеймс смотрел на Софи. Никогда его красивые глаза не сияли так, глядя на нее, и она понимала, что этого никогда не случится. Она всегда будет находиться в тени своей более привлекательной и обаятельной кухни. Софи даже не осознавала своей власти над мужчинами. И тогда Тилли окончательно решила переехать к Джонни и Хелене, как того хотели ее родственники, и начать новую жизнь там, за тысячи миль отсюда, где ее никто не будет сравнивать с Софи. Она выйдет замуж за любого, кто захочет назвать ее своей женой, и тогда ее родственникам, привыкшим считать ее никчемной и заурядной, не в чем будет ее упрекнуть.

Глава пятая

Джеймс с головой погрузился в ванну, наполненную ледяной водой, и тут же, рыча от холода, вынырнул. Лучшего способа остудить свой сексуальный пыл, доставляющий ему неудобства во время поездки по Англии, трудно было придумать. Он не знал, куда пойти в Ньюкасле для утоления своей похоти, да и наткнуться на кого-нибудь знакомого ему не хотелось. Дома (удивительно, но здесь Ассам воспринимался им именно как дом, хотя там британцы постоянно подчеркивали, что их родина Англия) лучше всего гасила вожделение многочасовая езда верхом. Когда же становилось совсем невмоготу, Джеймс отправлялся в Тезпур²⁰ и проводил ночь с девушкой из «Орхидеи», что на краю базара.

Энергично намыливаясь, Джеймс снова стал размышлять о том, не была ли его поездка в Англию ошибкой с самого начала. Едва приехав сюда, он почувствовал себя выброшенной на берег рыбой. Перемены, происшедшие с тех пор, как закончилась война, его ошеломили: новая мода, музыка, транспорт, ритм жизни и отсутствие взаимного почтения. Джеймс так и не смог научиться современным танцам. Ему было очень трудно держать себя в руках и не пялиться на обнаженные, выставленные напоказ ноги и руки. Он не сомневался, что жены и дочери его приятелей-плантаторов по-прежнему одеваются в платья с высокими воротниками и юбками до пят, какие носили их матери, когда Джеймс впервые прибыл в Ассам в день рождения королевы Виктории. С другой стороны, он так редко навещался в клуб и принимал приглашения на ужин от знакомых, что, возможно, просто не заметил, как все изменилось.

Почему бы ему не провести этот отпуск, путешествуя по колониям? Говорят, в Австралии и Южной Африке есть прекрасные условия для охоты. Джеймс снова погрузил намыленную голову под воду. Нет, в Ньюкасл он вернулся с совершенно определенной целью: найти себе жену. Сейчас он должен позаботиться о следующем поколении Робсонов, которые в свое время возьмут в свои руки бразды правления «Оксфордской чайной компанией», контроль над ее плантациями и экспортом. Перед войной они расширили сферу деятельности, открыв чайные, но потом продали их с хорошей прибылью, чтобы вложить деньги в земли в Восточной Африке. Предполагалось, что его кузен Уэсли отправится туда управлять их новыми плантациями.

Но Уэсли, подумав раздраженно Джеймс, вовсе не оправдал возложенных на него надежд. Самый удачливый бизнесмен в их роду, он потерял голову, встретив своенравную Кларри Белхэйвен, женился на ней и уехал в поместье Белгури, расположенное в горах Кхаси²¹, где прошло ее детство. До сих пор у них появилась лишь темноглазая дочь Адела. Таким образом, наследника семейного бизнеса по-прежнему не было. А сомнительное происхождение Кларри (ее мать была наполовину ассамкой, что Джеймса особо не волновало, но делало ее в Индии не вхожей в приличное общество) лишало Уэсли возможности стать во главе бизнеса, когда он, Джеймс, удалится от дел.

В общем, ему нужна была жена, молодая и крепкая, чтобы могла выдержать тропическую жару Ассама и родить ему сыновей. К тому же женщина привнесла бы в его дом в усадьбе Шивиот определенный уют, что было бы совсем неплохо, а кроме того, порадовало бы его соседей, Пэрси-Баррэттов, которые уже долгие годы уговаривали его жениться. Мюриэл Пэрси-Баррэт взяла на себя заботы о его домашнем хозяйстве, руководя штатом прислуги, но Джеймсу было известно, что Регги Пэрси-Баррэт, хотя и не подает виду, считает, что его жена проводит в усадьбе Шивиот слишком много времени.

---

²⁰ Тезпур – город в Индии.

²¹ Кхаси – горный район в Индии.

Выскочив из ванны, Джеймс оберся полотенцем. Мюриэл одобрит Тилли – младшая дочь Уатсонов выглядит полной здоровья и производит впечатление покладистой особы. Это вполне разумный выбор. Но затем высокая стройная фигура и миловидное лицо Софи Логан снова овладели мыслями Джеймса. Как же она похожа на свою красавицу-мать Джесси! Охваченный томлением, какого он не испытывал уже многие годы, Джеймс предался воспоминаниям о Джесси Логан. Все молодые плантаторы были влюблены в жену Логана. Пожалуй, это было настоящей трагедией.

Одеваясь, Джеймс решил действовать. Язвительная Мона Уатсон сказала, что завтра ее семейство уезжает в Данбар, следовательно, Софи со своей тетей тоже уедут. Правда, сегодня воскресенье, и Уатсоны, будучи пресвитерианцами, не одобряют его визита в день отдохновения, но другого шанса у него, возможно, уже не будет. Если его предложение не увенчается успехом, он незамедлительно уедет из Ньюкасла во Францию охотиться на кабана. Джеймс застегнул накрахмаленный воротничок и пригладил густые жесткие волосы, смазав их бриллиантином. Он с удивлением отметил, что нервничает сейчас даже больше, чем когда столкнулся нос к носу с медведем на охоте в Верхнем Ассаме.

* * *

– Ах, это вы, мистер Робсон! – Мона осуждающе поджала губы. – Не ожидала вас здесь снова увидеть.

Она не пригласила его войти, загораживая дверь. Джеймс подавил в себе нарастающее раздражение.

– Прошу прощения за неожиданный визит, но вы сказали, что на этой неделе уезжаете в Данбар, и я подумал, что, пожалуй, у меня больше не будет возможности...

– Боюсь, мы сегодня не принимаем посетителей, – оборвала его Мона. – Мать отдыхает, а сестра занята сборами.

– Собственно, я хотел бы поговорить с мисс Логан, – сказал Джеймс, не давая сбить себя с толку.

Выражение лица Моны стало еще более неприветливым.

– Не хотелось бы вас огорчать, но Софи и ее тетя отправились на прогулку вместе с Кларри Робсон. Они встретились утром в церкви, и Кларри предложила поехать на пикник. Лично я не одобряю подобного времяпрепровождения по воскресеньям, но, как я посмотрю, тетя Эми позволяет Софи все, что той захочется.

– Мона, кто там пришел? – крикнула Тилли, спускаясь по лестнице.

По пятам за ней, пыхтя, плелась Флосси.

– Мистер Робсон, – ответила Мона. – Я как раз объясняю ему...

– Так пригласи его войти! – воскликнула Тилли, сбегая вниз. – Иначе мистер Робсон решит, что нам, Уатсонам, незнакомы хорошие манеры.

Джеймс Робсон поклонился ей, и Тилли залилась румянцем, с трудом веря, что он снова решил ее навестить. Ей уже давно надоело паковать вещи, и она жалела, что не поехала на пикник вместе с Софи. Но тогда Джеймс не застал бы ее. Видимо, он явился, чтобы загладить вину за позднее появление и грубое поведение на дне ее рождения.

– Проходите, пожалуйста, – улыбнулась Тилли. – Не хотите ли чаю? У кухарки сегодня выходной, но я подогрею чайник.

Подбежав к Джеймсу, Флосси стала лизать его широкие ладони, когда он наклонился, чтобы ее погладить.

– Здравствуй, старушка!

– Тилли, мистер Робсон пришел не к тебе, – сказала Мона, пока Джеймс занимался собакой.

– Да?

Лицо Тилли вытянулось. Какая же она дура! Подумала, что он явился к ней. Разумеется, он хотел видеть Софи.

Рассерженный бестактностью Моны, Джеймс шагнул вперед.

– Я бы с удовольствием выпил с вами чаю, Матильда. Могу я вас так называть?

– Конечно, – просияла девушка. – Хотя я бы предпочла, чтобы вы звали меня Тилли. Имя Матильда напоминает мне о тех временах, когда меня ругали в школе за разлитые чернила.

Джеймс приподнял бровь.

– Ну, тогда Тилли.

– Что ж, у меня нет времени составлять вам компанию, – строго сказала Мона. – Мне нужно еще собрать вещи матери.

– Вам не о чем волноваться, – проворчал Джеймс. – Кроме того, я долго не задержусь.

Тилли охватило разочарование: он пришел лишь из чувства долга.

Мона ушла, а они продолжали неловко стоять посреди гостиной.

– Прошу вас, присаживайтесь. – Тилли указала на массивное кресло, стоявшее у холодного очага. – Мой отец любил здесь сидеть.

Джеймс настороженно взглянул на кресло.

– Простите меня, сама не знаю, почему я это сказала, – вспыхнула Тилли. – Я имела в виду, что оно подходит для такого крупного мужчины, как вы. То есть не то чтобы крупного, скорее мужественного. Те увлечения, о которых вы говорили, сделали вас... Ах, боже мой!

Тилли закрыла ладонями свои пылающие щеки.

– Я не знаю, как с вами разговаривать, мистер Робсон. Я привыкла, что беседу ведут мама и сестры. Вы, должно быть, считаете меня глупой и скучной.

После секундного замешательства Джеймс взял ее за локоть, увлек к потертому парчовому дивану и уселся рядом с ней. Флосси повалилась у его ног.

– Вы не скучная и не глупая. Ваша прямота мне очень нравится, Тилли. Обычная женская болтовня меня утомляет.

Взглянув на него, Тилли рассмеялась.

– Что ж, вы тоже искренни со мной. Расскажите мне об индийских женщинах, мистер Робсон. Они сильно отличаются от нас?

– Вы имеете в виду британок или местных? – уточнил Джеймс.

– И тех и других.

– Местные женщины очень много работают, они весьма проворны, из них получаются хорошие сборщицы чая.

– Вы разговариваете с ними на их языке?

Такой вопрос удивил Джеймса.

– Мне не приходится с ними говорить: с ними имеют дело мои подчиненные, – смутился он под взглядом Тилли, – но несколько слов по-бенгальски я знаю. Большинство работников бенгальцы. Немного говорю и на хиндустани.

– Значит, эти женщины всего лишь работницы, но не друзья?

Джеймс почувствовал неловкость, вспомнив женщин из «Орхидеи», которым он платил за секс. Едва ли они считали его другом. Он кивнул.

– Так сложилось в Индии.

Какое-то время Тилли сидела с задумчивым видом. Джеймс гадал, насколько ухудшилось ее мнение о нем из-за того, что у него нет друзей среди индийцев. Но она не стала продолжать эту тему.

– А каковы британки в Индии?

Джеймс почувствовал себя увереннее.

– Британские женщины в Ассаме в большинстве своем достаточно крепкие. Сейчас совсем мало тех, кто плохо переносит жару или легко подхватывает болезни.

– Как мать Софи? – спросила Тилли.

Джеймс кивнул.

– В основном они прекрасно себя чувствуют, – добавил он, уводя разговор от Логанов.

– Наверное, такова и моя новая невестка Хелена, – произнесла Тилли. – В письмах Джонни много места отведено их общественной жизни: спортивным состязаниям, танцам, ужинам, пикникам. Видимо, их жизнь очень интересна. Вам понравилась Хелена?

От такого прямого вопроса Джеймс опешил. Молодая жена Джонни произвела на него впечатление карьеристки, не пожелавшей видеть на своей свадьбе такого простого бизнесмена, как он. Но, возможно, он к ней несправедлив.

– Она довольно приятная особа, – сказал Джеймс.

– Ах, боже мой! – воскликнула Тилли. – Она вам не понравилась, не так ли?

Джеймс смущенно рассмеялся.

– Ваш брат ее обожает. Остальное не имеет значения.

– Да, верно, – тоскливо улыбнулась Тилли. – Раньше он и обо мне был высокого мнения.

– И он по-прежнему вас ценит, – галантно заверил ее Джеймс.

– Правда?

– Да.

– И что же он рассказывал вам обо мне? – спросила Тилли, улыбаясь.

В памяти Джеймса возник яркий образ Джонни, такого же открытого и дружелюбного, как и его младшая сестра, чья прямота может прийти не по нраву кое-кому из его начальства и, возможно, его сестре.

– Вам не следует придумывать ответ, который будет приятен мне, но окажется неправдой, – потребовала Тилли. – Так что же говорил обо мне мой брат?

– Он говорил, что вы хорошо относитесь к собакам и никогда не болеете.

К его удивлению, Тилли расхохоталась.

– Ну, это правда.

Удивленная бурным весельем хозяйки, Флосси подняла голову и твякнула. Тилли и Джеймс одновременно потянулись к ней и коснулись друг друга руками. Тилли отпрянула первой. Джеймс подумал о том, как она мила, когда заливается румянцем.

– Хотите чаю?

Джеймс обвел комнату взглядом в надежде, что найдет что-нибудь покрепче. Ему сейчас не помешал бы большой стакан виски с содовой. Но, видимо, женщины в семье Уатсонов не пьют, раз ему никогда не предлагали ничего помимо чая.

– С удовольствием, – натянуто улыбнулся он.

– Хорошо, – сказала Тилли. – Можете пойти со мной, или вам придется сидеть и скучать тут в одиночестве.

Джеймс послушно проследовал за ней из гостиной в ту часть дома, которую занимала прислуга. Однако здесь было на удивление тихо, не слышно было болтовни и пения, обычных для кухни в его поместье. Джеймс расхаживал по полутемной кухне, пока Тилли кипятила на дымной плите почерневший чайник и предлагала Флосси бисквитное печенье.

На кухонных полках практически не осталось припасов, а корзина для угля была полна золы. Видимо, Уатсоны находились в более стесненных обстоятельствах, чем пытался убедить его Джонни. Или он не в курсе, в каком положении оказались его родственники?

Тилли достала жестяную банку с чаем и насыпала три ложки с горкой в подогретый чайник.

– А ты выпьешь холодные остатки. Правда, Флосси? Ни капли нашего чая не пропадет даром.

По запаху Джеймс определил, что это был низкосортный чай, но вслух ничего не сказал. Ему доставляло удовольствие оживленное щебетание Тилли, и он вдруг ощутил потребность оказывать ей покровительство. Она заслуживала лучшей участи, нежели жизнь в этом унылом месте. Джеймс подхватил поднос, настаивая на том, что сам понесет чайную посуду, и, распахнув дверь широким плечом, вернулся в гостиную, а Тилли у него за спиной рассказывала о любви Флосси к ассамскому чаю. Ставя поднос на стол, он выглянул в окно и увидел Софи, которая шла по улице со своей тетей. Еще чуть-чуть – и произойдет то, чего он так ждал. Глядя, как смеется Софи, придерживая шляпку, из-под которой ветер вырывал ее русые локоны, Джеймс ощутил острый приступ тоски.

Проследив за его взглядом, Тилли тоже увидела свою кузину. Ее настроение тут же испортилось. Ей доставляло удовольствие общество этого энергичного мужчины, которое он делил лишь с ней одной. Без посторонних он вел себя непринужденно, обнаруживая неплохое чувство юмора. Тилли постаралась не показать, что огорчена.

– А вот и они. Пойду, принесу еще две чашки.

Джеймс обернулся. Тилли на мгновение задержала на нем взгляд карих глаз – добрый, исполненный мольбы, как у преданной собаки. Вдруг мужчина осознал, что он действительно небезразличен Тилли. Во время предыдущих посещений он надеялся, что со временем между ними возникнет взаимное уважение, возможно, даже дружба. Джеймсу сразу понравился Джонни, ее брат, но Тилли, по его мнению, оставалась в тени властной сестры Моны. Так было до этого дня. Джеймс не припоминал, когда еще ему было так легко в обществе женщины. Интуиция подсказала ему, что нужно делать.

– Тилли, я пришел сюда сегодня для того... – начал он.

– Я знаю, зачем вы пришли, мистер Робсон, – сказала девушка с грустной улыбкой. – Вы ведь хотели видеть Софи, не так ли?

Его молчание продолжалось бесконечно долго. Тилли затаила дыхание, хотя и знала ответ. Ей было приятно на время притвориться, будто она может вызвать у этого мужчины интерес. Наклонившись, она заключила Флосси в объятия – собачья любовь, по крайней мере, была постоянной и безусловной.

– Вы ошибаетесь, Тилли, – строго сказал Джеймс. – Вы выйдете за меня замуж?

Вздрогнув, она подняла на него взгляд.

– Вы сказали *замуж*?

Словно тисками сжав ее пышные плечи, Джеймс заставил девушку выпрямиться.

– Да. Так вы согласны?

– Мистер Робсон, я думала...

– Не нужно думать, – нетерпеливо перебил ее Джеймс.

Он хотел получить ответ до того, как войдет Софи и он изменит свое намерение либо утратит решимость.

– Пожалуйста, Тилли, скажите, что станете моей женой!

– Женой? – восторженно переспросила Тилли. – Да, мистер Робсон, я буду вашей женой!

Джеймс разжал свои стальные пальцы и, обхватив ладонями ее щеки, запечатлел сочный поцелуй на пухлых губах.

– Благодарю вас, – с облегчением улыбнулся он.

Он нравится Тилли, она хочет видеть его своим мужем. Она уберегла его от риска выставить себя дураком перед Софи Логан, которая, скорее всего, решительно отвергла бы его предложение.

– Мы поженимся до моего возвращения в Индию. Вы можете приехать позже: на подготовку к путешествию понадобится какое-то время, а мне нужно привести дом в порядок. Но ничто не мешает нам пожениться прямо сейчас, правда?

– Думаю, что да, – взволнованно ответила Тилли.

Голова девушки пошла кругом от столь внезапной перемены в ее судьбе.

Они слышали, как распахнулась входная дверь и голоса Софи и тети Эми стали громче.

– Ущипните меня, – сквозь смех сказала Тилли.

– Ущипнуть? – нахмурился Джеймс.

– Чтобы я убедилась, что это не сон.

Вместо этого он схватил ее ладонь и сильно сжал ее в своей, не столько чтобы убедить Тилли, сколько для того, чтобы самому обрести решимость.

Глава шестая

Софи рассчитывала вернуться в Эдинбург тем же путем, которым она приехала на юг, но Мона настояла, чтобы они наведались в Данбар с ночевкой, так что они направились по дороге вдоль побережья.

Предложение Джеймса Робсона явилось для всех неожиданностью. Миссис Уатсон залилась радостными слезами, но Мона восприняла новость не столь благосклонно.

– Помолвлены?! – воскликнула она, как только за Джеймсом захлопнулась дверь. – Ты почти не знаешь этого человека!

– Ты же сама беспрерывно твердишь последние два года, чтобы я нашла себе мужа, – заметила Тилли.

– Но ты можешь найти кого-нибудь получше, чем чайный плантатор! – накинулась на нее Мона. – Джонни подыщет тебе молодого офицера с прекрасными перспективами.

– Теперь в этом нет нужды, – торжествующе заявила Тилли. – Мистер Робсон успешный бизнесмен, он богат, и я никому ничем не буду обязана. Ассам, по рассказам, восхитителен: экзотические животные, матчи поло, чайные плантации...

– Ты же боишься диких зверей и ненавидишь спорт, – напомнила Мона.

– Зато я люблю чай, – сказала Тилли.

– Думаю, Тилли станет прекрасной женой чайного плантатора, – вступилась за подругу Софи. – Ее дом будет всегда открыт для гостей. Джеймсу Робсону очень повезло.

– Да, это правда, – согласилась Мона. – Мы, Уатсоны, славимся гостеприимством.

После этого она стала настаивать на том, чтобы Софи и тетя Эми остановились у них в Данбаре по пути домой.

– Мы же не можем позволить вам снова застрять где-то в глуши и сдаться на милость дикарей-лесников.

Софи не стала ей говорить, что именно на это она и надеялась, поскольку последние пару дней только и думала об энергичном улыбающемся Тэме Тэлфере. Она была рада за Тилли, такую счастливую благодаря неожиданной помолвке, но в то же время в душе Софи проснулись смешанные чувства. Тилли навсегда уедет из Англии, а дом Уатсонов в Ньюкасле будет продан. После свадьбы у нее уже не будет возможности навещать их. Софи понимала, что ей будет тяжело это пережить.

К тому же Тилли поедет в Индию, страну, где Софи родилась и провела первые шесть лет своей жизни. В страну, где жили и умерли ее родители, где остались их могилы. То, что ее кузина ехала в Ассам, вызывало в ней странную зависть, но вместе с тем и облегчение оттого, что она не находится на месте Тилли. Софи по-прежнему боялась, боялась Индии и индийцев, хотя и понимала, что это неразумно. Тем не менее Индия отняла у нее родителей – безжалостная лихорадка унесла их за одну ночь. И любимой Айи Мими она тоже лишилась.

Что случилось с ее няней? Возможно, она просто перешла в другую семью. Софи никогда об этом не спрашивала, и никто не удосужился ей об этом рассказать. Но в ее сердце остались невыразимая боль и чувство потерянности.

Через пару дней, пообещав Тилли приехать в Ньюкасл на ее свадьбу, которая должна была состояться в начале июля, Софи уехала из Данбара. Дорога вдоль побережья в графстве Берикшир ударила соленым ветром ей в лицо, избавляя от беспокойных мыслей. Софи пела песни пролетающим над головой чайкам, и тетя, перекрикивая шум мотора, подхватывала припев.

На следующий день Софи отправилась на службу, и мисс Горри загрузила ее работой с бумагами и переговорами по телефону. Когда возникла потребность в дополнительных

офисных полках, Софи с удовольствием провела день с пилой и молотком в руках. Больше всего ей нравилось заниматься практической, физической работой, а тетя Эми в свое время научила ее столярному ремеслу.

Каждый вечер, возвратившись домой, девушка спрашивала у тети:

– Мне не пришло письмо?

– Нет, дорогая, – отвечала тетя. – Ты напрасно ждешь, что Тилли станет писать тебе длинные послания, в то время когда ей нужно готовиться к свадьбе.

Но Софи ждала вестей совсем не от Тилли. Она все еще надеялась, что привлекательный и дружелюбный студент-лесовод Тэм даст о себе знать. Он спросил у нее адрес, и она охотно его дала, но молодой человек так и не написал ей и не явился в гости. Возможно, они все еще живут в лагере. Или он уже уехал на практику на континент? Девушка пыталась вспомнить, когда это должно было произойти.

Через три недели, не получив никаких вестей, Софи решила, что Тэм забыл о ней или потерял ее адрес. Как бы то ни было, она, видимо, не заинтересовала его так, как он заинтересовал ее. Лучше забыть о нем. Софи заказала билеты для себя и тети Эми, чтобы отправиться на свадьбу Тилли и вернуться в тот же день. Говорили, что дом Уатсонов уже наполовину пуст, да и оставаться там без Тилли Софи было бы невыносимо.

Накануне дня свадьбы, возвращаясь пешком домой на Клерк-стрит, Софи увидела группу молодых людей, играющих в крикет, – видимо, это были студенты, наслаждающиеся свободой после сдачи экзаменов. Спешить на квартиру к тетушке не было нужды, и девушка замедлила шаг, радуясь летнему солнцу.

Софи почувствовала, что на нее смотрит один из игроков, оказавшийся неподалеку. Густые черные волосы и брови выдавали в нем иностранца. Улыбнувшись, он махнул ей рукой, но Софи не узнала широкоплечего привлекательного незнакомца и не помахала в ответ. Вероятно, он ее с кем-то спутал. На его лице промелькнула неуверенность, и он отвернулся. В следующую секунду к нему прилетел мяч. Бросившись вперед, незнакомец остановил его, затем, подхватив, послал мощным броском назад.

Софи уже собиралась пойти дальше, когда ее окликнул подошедший высокий молодой человек с рыжими волосами.

– Здравствуйте! Мисс Софи Логан, если не ошибаюсь?

Она тут же узнала эти торчащие уши.

– Боз! – широко улыбнулась Софи. – Как поживаете?

– Очень хорошо. А вы?

– Спасибо, неплохо. Вот, иду домой из офиса.

Боз одобритительно окинул взглядом ее стильную юбку и блузку.

– Вы сегодня не на Радже?

– Нет, у него выходной. По правде сказать, он в гараже на ремонте. – Грустно улыbnувшись, Софи закатила глаза. – Вероятно, я не скоро получу его обратно.

– Ну, я рад, что вы благополучно вернулись из Ньюкасла.

– Благодарю вас.

Немного помешкав, Софи добавила:

– Тэм тоже играет?

– Нет, он больше увлекается греблей и теннисом.

– О, я люблю теннис!

– Эй, Боз! – окликнули его с поля. – Возвращайся, ты не на танцах.

Боз густо покраснел.

– Мне нужно идти, простите.

– Нет, это вы простите меня за то, что доставила вам неприятности, – сказала Софи, ощущая на себе взгляд атлетически сложенного игрока.

На этот раз она его вспомнила. Это был индеец из лагеря лесников. Его фамилия, кажется, Хан.

– Рад был вас повидать, – застенчиво улыбнулся Боз.

Уходя, он спросил, оглянувшись через плечо:

– Может, как-нибудь поиграем в теннис?

– С удовольствием, – улыбнулась Софи.

– Завтра? – предложил он, оживившись.

– Завтра не могу. Я свободна в субботу. Тетя Эми тоже с радостью бы поиграла. Может, два на два?

Боз смутился лишь на мгновение.

– Отлично! Я найду за вами. Клерк-стрит, верно?

– Да, дом семьдесят один. А откуда вы...

– Тэм упоминал об этом, – ухмыльнулся Боз. – Я закажу корт на два часа.

Они попрощались, и Софи пошла дальше. После этой случайной встречи с близким другом Тэма у нее голова пошла кругом. Девушка не сомневалась, что в паре с Бозом будет играть Тэм.

И только когда Софи взбежала по каменным ступеням наверх, чтобы сообщить новость тете, она задумалась: а почему Тэм так и не объявился? Значит, он не забыл, где она живет, и даже говорил об этом со своим другом. С другой стороны, он явно запомнил номер дома, Боз знал только улицу. Софи с нетерпением стала ждать наступления субботы.

* * *

Утро в день свадьбы Тилли выдалось пасмурным, моросил дождь. Тем не менее непогода не могла испортить невесте праздничное настроение. Накануне из Инвернесса приехала Джейкобина, и дом наполнился ее добродушной болтовней, а телеграмма от Джонни с пожеланиями всего наилучшего была для Тилли самым желанным подарком.

Софи и тетя Эми приехали утренним поездом, успев к позднему завтраку. Они помогли Тилли одеться и подготовиться.

– Мона позволила мне переделать ее свадебное платье, – пояснила невеста. – Не правда ли, это мило с ее стороны?

Софи окинула взглядом изящное платье с кружевным воротом и пышными юбками. Такой стиль был популярен до войны, но зауженный в талии силуэт и объемные рукава подчеркивали фигуру Тилли гораздо лучше, чем современные прямые платья.

– Мона поступила очень великодушно, – одобрила Софи. – Ты в нем великолепа.

Как подружка невесты Софи была одета скромно – в простое платье из синего крепдешина, длинные кремовые перчатки, принадлежавшие еще ее матери, и новую соломенную шляпку-клош²², приколотую к распущенным волосам большой стальной шляпной булавкой. В обязанности Софи входило нести длинный кружевной шлейф невесты.

– Мона считает, что я в нем запутаюсь, упаду и переломаю себе ноги, – поморщилась Тилли. – Или, хуже того, порву драгоценное платье.

– Этого точно не произойдет, – уверила ее Софи. – Но даже если ты и споткнешься, рядом с тобой будет *мужественный* Джеймс Робсон, который тебя подхватит.

Тилли прыснула от смеха. Она уже несколько раз пересказывала подруге этот разговор, и теперь Софи не упускала случая поддразнить ее тем, что она назвала Джеймса «крупным» и «мужественным».

---

²² Клош – модные в 1920-х годах женские шляпки в форме колокольчика.

Когда пришло время выходить из дому и ехать в пресвитерианскую церковь, расположенную в западной части Ньюкасла, у Софи появился ком в горле.

– Тилли, ты прекрасна! – Ей на глаза навернулись слезы. – Я так рада за тебя!

Тилли расцвела счастливой улыбкой.

– Спасибо! Ты даже не представляешь, как много для меня значит то, что ты рядом.

– Сегодня великий день, Тилли Уатсон, которая скоро станет миссис Робсон.

Софи широко улыбнулась и поцеловала подругу в щеку.

От этой мысли внутри у Тилли все сжалось. Она слабо представляла себе, что должно случиться после церемонии бракосочетания и праздничного застолья, которое, по настоянию Кларри, состоится в «Чайной Герберта». Это будет подарком от нее молодым. На этот раз Тилли объявила, что все будет очень скромно, присутствовать будут только ближайшие родственники, и Джеймса, похоже, это устраивало.

– Не люблю шумных сборищ, – сказал он. – К тому же большинство Робсонов либо уже в могиле, либо разбросаны по свету.

Он пригласил лишь пожилую тетю и дальних родственников по фамилии Ландсдоун. Ландсдоуны отклонили приглашение, а тетя согласилась посетить церемонию в церкви, но присутствовать в чайной отказалась, сославшись на больную печень. На роль шафера Джеймс пригласил удалившегося от дел чайного плантатора по имени Фэарфакс, живущего в Тайнмуте. Они сдружились еще в 1890-х годах, когда Джеймс только приехал в Индию и Фэарфакс учил его играть в поло и травить тигров.

Джеймс заказал на два дня номер в отеле где-то на побережье. Потом он отправится в Ливерпуль, а оттуда вернется в Индию. Тилли не знала, что ее пугает больше – перспектива остаться наедине с наводящим на нее ужас плантатором на целых два дня или разлука со свежее испеченным мужем на несколько месяцев, до тех пор, пока она не приедет к нему в декабре. По замыслу Джеймса в путешествии ее будет сопровождать жена его знакомого чайного плантатора, Мюриэл Пэрси-Баррэт, которая до осени останется в Йоркшире, устраивая своего младшего сына в школу-интернат.

– Тилли, ты готова? – спросил ее дородный зять Уолтер, подавая ей руку.

Ввиду отсутствия кого-либо из мужчин рода Уатсонов он согласился быть ее посаженным отцом. Это был доброжелательный спокойный человек, и Тилли считала его едва ли не святым, поскольку он был в состоянии терпеть властную Мону. Все же невесте очень не хватало ее дорогого папочки и брата Джонни – в эту минуту она особенно остро ощущала их отсутствие.

– Вот, возьми, – пробормотала Софи, сунув в руку Тилли носовой платок.

Сочувствие на лице кузины говорило о том, что Софи все поняла. Тилли высморкалась в надушенный платок, промокнула глаза и отдала его назад.

Подмигнув, Софи поправила ей вуаль.

– Поднять якоря! – прошептала она.

Вцепившись в руку Уолтера, Тилли пошла по проходу простой церкви с высоким потолком. Она с изумлением увидела Джеймса. На нем был щегольской однобортный сюртук и полосатые брюки. Впервые он предстал перед ней не в мятой и слегка залоснившейся одежде. Красную шею, как всегда, сжимал тугой воротничок, но подбородок с ямочкой был гладко выбрит, усы расчесаны, а волосы коротко подстрижены, что делало его моложе.

Джеймс взволнованно улыбнулся невесте, словно сомневался в том, что она вообще появится, и в эту секунду Тилли стало ясно, что он нервничает так же, как и она, и хочет, чтобы все поскорее закончилось.

Девушка дрожала, произнося клятву, а когда Джеймс надевал ей на палец сияющее обручальное кольцо, ее рука так тряслась, что ему пришлось удерживать ее ладонь. Тилли

едва не поморщилась, когда его пальцы стиснули ее кисть. Затем грянул орган и немногочисленные гости громко запели.

Когда пришло время направиться к выходу, держась за руку теперь уже мужа, Тилли заметила заплаканное, но сияющее улыбкой бледное лицо матери, и сама едва не разрыдалась. Даже Мона шмыгала носом и умиленно улыбалась. Оглянувшись, Тилли увидела порозовевшее лицо Софи, подбирающей ее кружевной шлейф. Девушки обменялись улыбками, и Тилли почувствовала себя счастливой в окружении людей, любящих ее такой, какая она есть.

– Идем, моя дорогая! – пророкотал голос Джеймса, заглушая музыку.

Он с видом собственника сжал ее ладонь в своей и повел к выходу из церкви.

Кларри накрыла для них изысканный стол в «Чайной Герберта», отгородив ширмами укромный уголок, в котором играл скрипач.

– Мы можем сдвинуть столы, если вы захотите потанцевать, – предложила Кларри.

– Я не любитель танцев, – сдержанно ответил Джеймс, и его шея покраснела.

Тилли уже знала, что это признак смущения.

– И я тоже, – поспешно сказала она. – Но все равно спасибо вам, Кларри. Нам приятно послушать музыку.

Хотя столы буквально ломились от лакомств, от которых в другое время Тилли невозможно было бы оттащить, из-за волнения она не могла проглотить ни кусочка. Сидя в своем пышном наряде, она выпила две чашки чая, боясь пролить хоть каплю на драгоценное платье Моны, и с трудом затолкала в себя маленький ломтик свадебного торта.

Ее сестры громко болтали, смеясь над тем, что рассказывали тетя Эми и Софи. Даже на щеках у матери Тилли заиграл румянец во время оживленного разговора с пожилым плантатором Фэарфаксом. Кларри пыталась вовлечь Джеймса в непринужденную беседу, но он лишь смущенно молчал, так и не присев. Он то и дело вытаскивал карманные часы, хмурился и бросал на нее сердитые взгляды. Тилли от этого нервничала еще больше, гадая, скучно ли ему или он уже сожалеет о своем необдуманном решении.

Кларри оставила свои попытки разговорить Джеймса и подошла к Тилли. Джеймс последовал за ней.

– Я сказала твоему мужу, что он должен привезти тебя к нам, в Белгури, когда ты обустроишься в усадьбе Шевиот.

– Спасибо, я с удовольствием вас навещу, – с благодарностью улыбнулась Тилли. – Не правда ли, это мило?

Она обернулась к Джеймсу, но не смогла заставить себя назвать его по имени.

– От плантаций Оксфорда до гор Кхаси два дня пути, – проворчал Джеймс.

– Полтора, – возразила Кларри. – Так что, когда приедешь, Тилли, ты побываешь у нас. Адела тоже будет очень рада тебя видеть. Ну, мы еще об этом поговорим до твоего отъезда в Индию.

– Что ж, миссис Робсон, – пророкотал Джеймс, – нам пора уходить.

Тилли смущенно взглянула на Кларри. Переведя взгляд с Тилли на Джеймса, женщина рассмеялась.

– Полагаю, твой муж обращается к тебе, Тилли, а не ко мне!

Лицо девушки стало пунцовым.

– Ах да, конечно, какая же я глупая! Я еще не привыкла к этому имени.

– Скоро привыкнешь, – улыбнулась Кларри. – Мы с Уэсли счастливы, что ты теперь член нашей семьи.

Пропустив эти слова мимо ушей, Джеймс заставил Тилли подняться.

– Я заказал такси до Тайнмута. Фэарфакс поедет с нами.

Тилли сочла невежливым его внезапное решение уйти, но она знала, что он чувствует себя неловко среди людей, а познакомиться поближе с ее родственниками у него не было времени. Тилли всех расцеловала и обняла.

– Через пару дней ты снова их увидишь, – сказал Джеймс, не скрывая нетерпения.

Софи помогала Тилли придерживать кружева, чтобы не испачкать их в лужах, когда новобрачная забиралась в такси, а Уолтер тем временем прикрывал ее зонтом от усиливающегося дождя.

– Приезжай в Эдинбург, как только сможешь, – сказала Софи требовательно. – Я хочу подольше побыть с тобой до твоего отъезда за границу.

– Приеду, – пообещала Тилли, сквозь залитое дождем окно такси глядя на своих близких, столпившихся на крыльце «Чайной Герберта», и махая им рукой.

Всю дорогу до побережья Джеймс беседовал с Фэрфаксом о чайном бизнесе и Ассаме. Старик дергал себя за густой прокуренный ус и фыркал от смеха, вспоминая былое. Джеймс во время этой поездки повеселел и, когда они приехали в гостиницу, пригласил старого знакомого пропустить по стаканчику.

– Три больших виски с содовой! – распорядился Джеймс еще до того, как внесли их чемоданы.

Он повалился в удобное, обитое ситцем кресло.

– Боже мой, мне нужно выпить!

– И мне тоже, старина, – поддержал его Фэрфакс.

Он настороженно взглянул на Тилли. Она стояла в свадебном платье, чувствуя себя довольно глупо.

– Может, мы лучше закажем вам чаю? – спросил ее Фэрфакс.

– Нет, – возразил Джеймс, – миссис Робсон стаканчик нужен даже больше, чем нам. Давай, усаживайся поудобнее. Виски – это именно то, что надо, чтобы привести в порядок нервы невесты.

Тилли натянуто хохотнула и села. Когда принесли выпивку, она отхлебнула и скривилась от неприятного вкуса напитка. Отец выпивал «маленький глоток», как он это называл, только в особых случаях, таких как празднование Нового года. Тилли трудно было понять, как кто-то может находить этот вкус приятным. Тем не менее Джеймс и его друг-холостяк допивали свои стаканы и уже заказывали следующие. Тилли все же продолжила пить, и на этот раз ей понравилось, как пузырьки содовой щекотали язык, прежде чем она проглотила напиток, и как внутри нее распространялось тепло. Расслабившись, Тилли стала хихикать, слушая их рассказы об охоте на тигров и об обезумевших слонах, бегающих по плантациям. Через час она обнаружила, что ее нервное напряжение прошло.

На ужин они заказали копченую рыбу, вареные яйца и бутылку красного вина. Фэрфакса не нужно было упрашивать разделить с ними трапезу. Под конец ужина с Тилли приключилась икота и она уже не могла ходить, не спотыкаясь о подол своего платья. Она захихикала, представив, как бы осудили ее сестры и мать.

– Вы, миссис Робсон, сейчас отправитесь наверх, – приказал ей Джеймс, – и ляжете, а я тем временем провожу своего друга домой.

Тилли с трудом поднялась по лестнице и только с помощью горничной нашла свой номер.

– В-вы можете мне р-раздеться? – спросила Тилли, икая.

Девушка рассмеялась и осталась помочь.

Потом Тилли лежала на двуспальной кровати в одном нижнем белье, и ее голова кружилась, как будто она каталась на карусели. Горничная ушла. В комнате царил полумрак, и Тилли чувствовала, что ее вот-вот стошнит. Она понятия не имела, где туалет, да и все

равно было уже поздно. Тилли сползла с кровати и как раз вовремя нащупала под ней ночной горшок. Облегчив желудок, девушка забрызгала себе лицо и волосы.

Никогда еще она не чувствовала себя так плохо. Тилли ощущала одновременно боль и пустоту в желудке. От ее волос дурно пахло. Тилли испытывала отвращение к себе. Что подумает о ней Джеймс? И где он? Судя по угасающему свету в окнах, был поздний вечер. Она потеряла счет времени.

Стыдясь выйти в коридор в поисках туалета, где можно было бы помыть горшок, Тилли отнесла его в дальний угол комнаты и оставила там, прикрыв полотенцем. Возможно, Джеймс ничего не заметит. Она чувствовала себя слишком скверно, чтобы ее это заботило.

Подойдя к умывальнику, Тилли как могла отмыла лицо и волосы водой из фарфорового кувшина. Затем, надеясь заглушить неприятный запах, побрызгала на себя духами из маленькой склянки, которую ей подарила Софи. Цветочный аромат напомнил ей о кухне, и Тилли вдруг расплакалась.

Через полтора часа, хлопнув дверью, появился Джеймс. Его молодая жена, распространяя аромат духов и дрожа, сидела полуодетая в кресле и плакала навзрыд.

– Что случилось? – спросил он заплетающимся языком и, двинувшись вперед, едва не упал, зацепившись за разбросанные по полу кружевные наряды.

Джеймс схватил Тилли за плечи, чтобы не упасть. Она поморщилась от его прикосновения:

– Больно!

– У тебя мокрые волосы.

– Меня вырвало.

– Тилли, ты в порядке? Ты не больна?

Он неуклюже погладил ее по голове.

– Наверное, это из-за виски.

Джеймс упал перед ней на колени, сжимая ее ладони.

– Прости! Я думал, что так тебе будет лучше. Это наша первая ночь... Ну, ты понимаешь.

Тилли снова стало плохо при мысли о том, что сейчас ей нужно будет исполнить супружеские обязанности. Она не могла поручиться за то, что ее опять не вырвет, на этот раз от запаха, доносившегося от ее совершенно пьяного супруга.

– Фэрфакс добрался домой? Тебя долго не было.

– Да, он пригласил меня зайти и пропустить «на посошок». Прости.

– Я не против.

В эту минуту Тилли хотелось только одного: уснуть и спать до тех пор, пока она снова не почувствует себя хорошо. Девушка поклялась себе, что больше никогда не притронется к виски.

– Давай ляжем, – сказал Джеймс, с трудом поднимаясь на ноги.

Тилли с беспокойством наблюдала за тем, как он, спотыкаясь, пытается раздеться. Оставшись в подштанниках и жилете, в одном носке и башмаке, Джеймс в изнеможении повалился на спину.

– Сейчас, только минутку отдохну.

Затем воцарилась тишина. Поднявшись с кресла, Тилли подошла посмотреть на него. В ту же минуту Джеймс тихо захрапел. Его тело наполовину свешивалось с кровати, но Тилли не стала его трогать, чтобы не разбудить. Рядом с ней храпел совершенно чужой человек.

Улегшись на подушки, она задумалась о том, как ей удастся пережить следующие два дня и, если в эту ночь они не вступят в супружескую связь, смогут ли они все отменить, чтобы ей не пришлось ехать в Индию и жить с этим человеком.

* * *

Джеймс проснулся с тяжелой головой. В его висках словно ухали барабаны. Он поморщился от льющегося в открытое окно яркого утреннего света, причинявшего боль его воспаленным глазам. Занавески раздувались и хлопали, как паруса. В комнате стоял странный кислый запах, смешанный с соленым морским воздухом.

– Доброе утро, мистер Робсон.

Он слегка повернул голову, чтобы взглянуть на молодую женщину с зачесанными за уши рыжими волосами, которая сидела на стуле у кровати и смотрела на него. Ее лицо было белым как мел, за исключением розового кончика длинного носа. Тилли. Его молодая жена. Она была больше похожа на осужденную узницу. Джеймс принялся в панике копаться в собственной памяти, но так и не смог вспомнить, что было этой ночью. Он ведь не обидел ее?

– Доброе утро, – пробормотал он.

Джеймс попробовал сесть на кровати, но от этого уханье в его голове стало невыносимым.

Тилли вручила ему стакан воды.

– Мне вода тоже понадобилась.

– Правда?

Джеймс с благодарностью взял стакан и тут же осушил его.

– Я заказала чай с гренками. О более плотном завтраке нет сил даже думать. Все принесут сюда. Сидеть в столовой тоже выше моих сил. Нюхать там запах бекона... Я правильно поступила?

Кивнув, Джеймс простонал:

– Совершенно правильно.

На Тилли было летнее платье с геометрическим рисунком, от которого рябило в глазах. Джеймс зажмурился. Когда он вновь открыл глаза, она уже стояла у окна, глядя на серосинее Северное море.

– Может, погуляем сегодня по берегу? – спросила Тилли. – Даже не знаю, чем еще занимаются в медовый месяц.

Джеймс фыркнул.

– Ну, мне известно одно занятие, миссис Робсон.

Она мельком взглянула на него, и ее бледные щеки порозовели. Джеймса снова охватила тревога. Он силился вспомнить, что же было прошлой ночью. Он помнил, как уходил от Фэарфакса, но дальше память отказывалась ему служить. В любом случае, что он делал дома у старого приятеля в свою брачную ночь? Какой же он трус! Джеймс из прихоти выбрал эту молодую женщину: только потому, что она не была такой независимой красавицей, как Софи, но зато была послушной, доброй и здоровой. Однако теперь мысль о том, что он будет жить с девушкой, которая была вдвое моложе его, пугала Джеймса. Он не знал, как с ней обращаться.

– Тилли, – сказал он, сглатывая, – в горле у него по-прежнему было сухо. – Мы это... прошлой ночью... Ну, ты понимаешь?..

Она покраснела еще сильнее:

– Нет.

Джеймс повалился на стул, заметив, что на нем все еще один башмак. Потерев щеки ладонями, мужчина вздохнул.

– Прости, я слишком много выпил. Больше этого не повторится.

Тилли внимательно посмотрела на него. Его жесткие волосы торчали в разные стороны, а вокруг голубых глаз было больше морщинок, чем обычно. Над мятым жилетом на широкой груди курчавились темные волосы. Массивные плечи казались странно светлыми по сравнению с загорелыми предплечьями. Ноги также поросли волосами. Это удивляло и пугало ее.

– Что-то не так? – нахмурился Джеймс.

– Я и не знала, что мужчины такие волосатые, – выпалила Тилли.

Он изумленно уставился на нее, а затем расхохотался, но тут же схватился за голову.

– Тилли, не смейся меня. У меня раскалывается голова.

Раздался стук в дверь, и вошла горничная с подносом. Тилли жестом распорядилась поставить завтрак на стол у окна и сунула ей шиллинг. Еще раньше девушка избавила Тилли от хлопот с ночным горшком и поэтому заработала эти деньги.

– Туалет дальше по коридору, через две двери направо, – сообщила Тилли Джеймсу. – Там есть вода. Вы можете сходить умыться, пока заваривается чай, мистер Робсон.

К ее удивлению, Джеймс так и поступил. Натянув на себя мягкий линейный халат, он ушел, прихватив принадлежности для бритья.

Вернулся он гладко выбритым и умытым, распространяя приятный аромат сандалового масла. Переодевшись за ширмой, Джеймс приступил к завтраку. Он съел гренки и выпил почти весь чай.

Заказав закуски для пикника, они вышли из гостиницы и отправились на север вдоль набережной.

Стояла солнечная ветреная погода. Тилли и Джеймс остановились в Каллеркотсе посмотреть на рыбаков, починяющих сети. Затем, сидя на песке в Уитли-Бей, съели свои припасы. Здесь, на свежем воздухе, между ними легко завязался разговор, и Тилли забросала мужа вопросами об Ассаме и о том, чего ей там ожидать.

– Мюриэл Пэрси-Баррэт поможет тебе освоиться, – сказал ей Джеймс. – На чайных плантациях она пользуется большим авторитетом. Мюриэл расскажет тебе все, что нужно знать о ведении домашнего хозяйства. Она весьма польщена тем, что я попросил ее сопровождать тебя во время путешествия на корабле. Вы с ней обсудите вопросы, в которых я не силен.

Мысль о том, что у нее уже есть друг, вселила в Тилли уверенность.

– К тому же неподалеку будет Кларри, – произнесла она.

– Белгури очень далеко от моего дома, – сухо повторил Джеймс. – Мы почти никогда не встречаемся.

– Кларри говорила, что мы с ней можем видаться в Шиллонге, когда я буду ходить там по магазинам, – не сдавалась Тилли.

– По магазинам? – с сомнением переспросил Джеймс. – Если тебе что-нибудь понадобится, лучше заказать это в Калькутте или здесь. Впрочем, Мюриэл тебе все это растолкует.

Тилли оставила эту тему. Она не хотела вступать в препирательства по поводу Кларри. Она уже поняла, что у мужа Кларри, Уэсли, возникли какие-то противоречия с Джеймсом в деловых вопросах. Но это не помешает ей поддерживать отношения с Кларри, которая многие годы является другом ее семьи.

Они поговорили о питомцах Джеймса: о его охотничьих собаках, пони и говорящей птице по имени Синдбад. Теперь страхи и сомнения прошлой ночи казались Тилли нелепыми, они растаяли под ласковым солнцем на свежем морском воздухе. Джеймс напился, потому что волновался по поводу брачной ночи, так же как и она. То, что взрослый мужчина может чувствовать себя по-детски неуверенным, пробудило в ее душе нежность к нему.

В тот вечер они с большим аппетитом поужинали в столовой и рано отправились наверх. Джеймс задернул занавески, и они разделись под крики чаек, топчущихся на карнизе

за окном. Оставив на себе нижнее белье, Тилли забралась под одеяла. Джеймс полностью разделся и нырнул следом за ней. От него пахло солнцем и песком. Нагретая за день кожа Тилли горела. Затаив дыхание, девушка ждала.

– Можно я распушу твои волосы, Тилли? – спросил Джеймс.

– Ах да, конечно.

Она потянулась, чтобы их освободить, но он остановил ее.

– Позволь мне.

– Если хочешь.

Он не спеша вытащил шпильки из ее локонов, и они рассыпались по плечам. От прикосновений мужских пальцев к ее лицу и шее по телу Тилли пробежала дрожь.

– Много шпилек, правда? Мать всегда сетовала, что мне нужна их целая уйма, а я постоянно их теряю.

Джеймс стал нежно целовать кудри, обрамляющие ее лоб, затем коснулся губами ресниц, щек, подбородка. Он провел языком по ее шее, груди, затем неуклюжими крупными пальцами развязал тонкие тесемки на ее сорочке.

– У тебя вкус моря, – сказал Джеймс неожиданно мягким низким голосом.

– Правда? Это, наверное, не очень приятно. – Сердце Тилли бешено забилося, и она ощутила в животе странное тепло. – Мне следовало принять ванну перед ужином.

Она старалась говорить ровно, несмотря на то что у нее перехватывало дыхание.

– Но мне очень хотелось есть после нашей прогулки.

Джеймс стянул с нее сорочку, высвобождая грудь. Взглянув на нее, он ахнул:

– Ты прекрасна, Тилли! Как спелый фрукт.

Девушка неожиданно прыснула. Он нахмурился.

– Что тут смешного?

– То, что ты говоришь, – пролепетала она.

Джеймс отстранился.

– Я не позволю, чтобы надо мной смеялись. Особенно моя молодая жена.

Тилли приподнялась на локтях.

– Я смеюсь не над тобой, честное слово.

– Но впечатление именно такое.

Джеймс сел на кровати и потянулся за портсигаром. Тилли испугалась, что близость, делающая их брак законным, так никогда между ними и не произойдет. Тогда Джеймс уплывет в Индию и, передумав, отменит ее переезд, а она окончит жизнь старой девой на содержании у своей сестры в продуваемом всеми ветрами Данбаре. Сейчас как никогда Тилли понимала, что ей очень хочется, чтобы ее брак с Джеймсом Робсоном стал законным. Ей в душу закралось подозрение о том, что плотская сторона супружества может быть гораздо интереснее, чем это описала Мона во время короткой подготовительной беседы.

Потянувшись, Тилли забрала портсигар и зажигалку из мускулистых рук мужа.

– Прости меня, я часто говорю лишнее и смеюсь невпопад, но это только потому, что я нервничаю. Все мои родные злятся на меня за это. Вернись и отдавай фрукт. – Она улыбнулась и залилась румянцем, смущенная собственной развязностью. – Мне понравилось.

– Правда? – спросил Джеймс с сомнением.

Она положила его ладонь на свою левую грудь.

– Чувствуешь, как бьется мое сердце? Оно не бьется так быстро даже тогда, когда я играю в теннис.

Хохотнув, Джеймс погрузил лицо в ложбинку между ее грудями.

– Какой пир меня ожидает, миссис Робсон! – воскликнул он.

Тилли сдавленно засмеялась, а он принялся пылко целовать и ласкать ее.

Оседлав ее с решительностью жокея-чемпиона, Джеймс заставил ее кричать от удовольствия и возбуждения. Пухлый живот и бедра Тилли пронзала дрожь изысканного наслаждения. Она металась по смятой постели, взмокшая и разгоряченная их любовью, не заботясь о том, что при этом растрепались ее волосы. Тилли чувствовала себя богиней, сжимающей рог изобилия. Возможно, она даже сказала это вслух в пылу страсти.

– О боже, Джеймс! – вздохнула она, когда они наконец успокоились на разоренной постели. – Никогда еще физические упражнения не доставляли мне такого удовольствия.

Джеймс хохотнул, лежа рядом с ней.

– И никогда они не сопровождались такими комментариями.

– Ах, господи, я так много болтала? В следующий раз постараюсь быть сдержаннее.

Он положил руку на ее мягкий живот.

– Не нужно меняться, миссис Робсон. Оставайтесь такой, какая вы есть.

Глава седьмая

Эдинбург

Уильям Бозуэлл позвонил в квартиру номер четыре по адресу Клерк-стрит, семьдесят один в четверть второго пополудни. Софи и тетя Эми уже облачились в теннисные юбки и кеды и были готовы к выходу.

Софи потянула на себя рычаг, открывающий дверь вниз, и, как только Боз вошел, крикнула в лестничный пролет, перегнувшись через перила:

– Мы спускаемся, можете не подниматься!

Девушка побежала вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньку. Тетя следовала за ней.

В дверях Софи и Боз пожали друг другу руки, широко улыбаясь.

– Вы помните тетю Эми, которая ехала в коляске? – спросила девушка.

– Конечно. Рад вас видеть, мисс Андерсон.

Софи заметила кого-то за приоткрытой входной дверью – нога в белых спортивных брюках и клуб сигаретного дыма.

– Тэм? – Улыбаясь, она шагнула за порог.

Улыбка увяла на ее лице, когда Софи поняла, что это не Тэм Тэлфер. Индеец, которого она встретила на поле для крикета, бросил окуроч, втоптал его в землю и протянул ей руку.

– Здравствуйте, мисс Логан. Рафи Хан. Мы встречались с вами в лагере недалеко от перевала.

Софи растерялась.

– Да, конечно.

Она сдержанно пожала ему руку, стараясь скрыть разочарование.

Тетя поприветствовала его более радушно:

– Вы из Лахора. Ваша семья подвизается в строительном бизнесе.

– Совершенно верно, мисс Андерсон, – улыбнулся Рафи.

– А вы записались в Лахорский кавалерийский полк, потому что лошадей любите больше, нежели кирпичи, чем огорчили своего отца. Мне нравятся люди с независимым характером.

Польщенный Рафи рассмеялся.

– А я отдаю дань уважения женщине, угрожавшей своим зонтиком этому изворотливому политикану Черчиллю, который не хотел наделять вас правом голоса и не доверяет нам, индийцам, управление собственной страной. Вы победили в своей борьбе.

– Рафи, пожалуйста, только не надо сегодня говорить о политике! – взмолился Боз. – Леди обещана игра в теннис.

– Одно другому не мешает, – сказала тетя Эми и пошла рядом с Рафи. – Я проезжала через Лахор двадцать лет назад, когда направлялась на свадьбу своей сестры в Мурри. Прекрасные здания времен империи Великих Моголов... А такой великолепной железнодорожной станции я больше нигде не видела. Настоящий дворец!

– Мой дед принимал участие в его строительстве, – улыбнулся Рафи. – Его начинающая строительная компания резко пошла в гору после этого подряда. Он заплатил за мою учебу в школе-интернате в Шимле²³.

---

²³ Шимла – город в Северной Индии.

– В Шимле? Всегда хотела там побывать.

– Он не очень отличается от вашего Северо-Шотландского нагорья. И погода там похожа на шотландскую, – улыбнулся Рафи. – После лета в Шимле я был готов к вашим дождям и туманам. А зимой в Шимле тоже холодный ветер и снег.

– Почему же вы уехали из теплого Лахора в Шотландию, мистер Хан?

– Мне нравится шотландская погода.

Взглянув на него, тетя Эми поняла, что он шутит.

– Кроме того, в Шимле я полюбил деревья. В Эдинбурге одна из лучших школ лесоводства в империи.

Софи пошла рядом с Бозом, краснея от смущения из-за того, что решила, будто Тэм будет четвертым игроком. В обществе утонченного Хана она чувствовала себя не в своей тарелке. Боз, похоже, это понял.

– Тэм сейчас за границей. Он уехал во Францию сразу по окончании семестра.

– Ах да, я помню. Это заключительная практика, да?

– Нет, практика будет только в августе. – Боз мельком взглянул на нее. – Тэм в Париже со своей матерью и сестрой. Это их первая совместная поездка после войны. Идея принадлежит Тэму.

– Как это мило с его стороны, – улыбнулась Софи, радуясь, что отсутствие Тэма не связано с его нежеланием видеть ее. – Он отзывался о них с любовью и говорил о своей старшей сестре с особым почтением.

– Да, – согласился Боз. – Флора ему словно вторая мать. Она на десять лет старше него, поэтому Тэм не делает ничего без ее одобрения.

– Что ж, после того как он свозит ее в Париж, их отношения могут измениться, – сухо сказала Софи.

– Да, для того он это и затеял – чтобы произвести впечатление, – кивнул Боз. – Хвастается там своим плохим французским. И то, что он прошел войну и получил высшее образование, должно убедить его сестру, что он уже взрослый мужчина, способный принимать самостоятельные решения.

– Вас послушать, так она прямо-таки деспот.

– Так оно и есть, – проворчал Боз. – Каждого своего друга Тэм должен показать Флоре и получить ее одобрение.

– Я это учту, – сказала Софи.

Он с недоумением взглянул на нее. Возможно, он был огорчен тем, что ее интересует его друг, но ведь еще в лагере было очевидно, к кому она питает симпатию.

Они больше не говорили о Тэме и наслаждались оживленной игрой: Эми играла в паре с Рафи, а Софи – с Бозом. Хотя тетя Эми перемещалась по корту медленнее, чем Софи, удар у нее был мощнее, поскольку благодаря столярной работе у нее были сильные руки. Рафи также был умелым и опытным игроком – он заставил Софи побегать. Высокий длиннорукий Боз отбивал те мячи, которые были ей не по силам.

Обе пары выиграли по одной партии, и Софи с Бозом с трудом вырвали победу в третьем сете. В четвертом тетя Эми устала, и они с Рафи проиграли его почти без сопротивления.

– Достаточно, – задыхаясь, сказала тетя. – Простите, Рафи, у меня больше нет сил.

– У меня тоже, – согласился он.

Правда, Софи видела, что он вовсе не устал. Его красивое лицо едва ли покрылось испариной, в то время как по красной физиономии Боза катились градины пота. Рафи метнул взгляд на Софи.

– Поздравляю, вы хорошо играли.

Он пожал руку Бозу, не проявив стремления пожать руку также и ей.

– У вас прекрасный тандем.

Его замечание уязвило Софи: индеец явно насмехался над ней, и она оставила его слова без ответа.

– Спасибо, Рафи, вы тоже отлично играли, – сказал Боз, вытирая лицо большим носовым платком.

– Позвольте проводить вас домой, мисс Андерсон, – обратился к тете Эми Рафи, отвернувшись. – Мисс Логан с Бозом могут поиграть и без нас. Ваша племянница, похоже, еще полна сил.

Эми охотно приняла его предложение, а Боз, видимо, был рад продолжить игру.

– Да, поиграем еще, – согласилась Софи, стараясь не показать, что слова индийца ее раздражают.

Дело было даже не в словах, а в его насмешливой интонации.

– Нечасто появляется возможность поиграть, и погода сегодня чудесная.

Она испытала облегчение, когда этот утонченный молодой индеец удалился вместе с ее тетей. Нельзя было не признать, что он хорош собой и обладает прекрасным чувством юмора, но в его присутствии Софи было неуютно. Девушка и сама не понимала, в чем тут дело. А холодность, граничившая с презрением, с которой он на нее смотрел, говорила о том, что она ему не очень-то нравится.

Софи с Бозом поиграли еще с полчаса. К радости девушки, она разыгралась, в то время как он явно устал. Закончили они ничьей.

– В следующий раз я вас обыграю, – заявила Софи.

– Принимаю вызов, мисс Логан, – улыбнулся Боз.

Они условились встретиться и сыграть в среду вечером и отправились на Клерк-стрит, где Софи пригласила Боза подняться к ним и выпить лимонада, который готовила тетя Эми. Входя в квартиру, она с тревогой подумала о том, не обнаружит ли тут лахорца, рассеявшегося в кресле с сигаретой и оживленно обсуждающего политические проблемы с тетей Эми.

– Ваш друг мистер Хан не пожелал остаться на чай, мистер Бозуэлл, – сообщила тетя Эми. – Сказал, что ему нужно заниматься.

– Это похоже на Рафи, – проворчал Боз. – Он хочет быть лучшим во всем.

– Похвальное стремление, – сказала тетя Эми. – Трудно ему, должно быть, вдали от дома и родных.

Она сурово взглянула на Софи, как она умела это делать, как будто ее племянница была виновата в том, что Рафи не остался у них.

– Да, пожалуй, это так, – пожал плечами Боз, – но Рафи не был в Индии с начала войны, так что едва ли он сильно скучает. По-моему, этот парень вполне способен обходиться без кого бы то ни было.

* * *

На следующей неделе Софи дважды после работы играла в теннис с Уильямом Бозуэллом. Во второй раз, закончив поединок, он застенчиво спросил ее:

– А не хотите ли прийти на танцы, которые будут у нас на кафедре лесоводства в следующий вторник? Все будет довольно скромно, в спортзале, но зато обычно там играют хорошие музыканты из студентов и навалом еды.

Софи не знала, что ответить. Она не желала давать Бозу надежду на то, что их дружба способна перерасти в роман. Ей нравилось общаться с ним, но не более того.

– Даже не знаю...

– Там будет много людей, – уверил ее Боз. – Вам не придется танцевать со мной весь вечер.

Софи внимательно посмотрела в его доброжелательное, открытое лицо.

– Но зато мне не придется все время подпирать стенку, – пошутил он. – Девушек всегда слишком мало. Профессор Грант, возможно, даже поставит мне высокий балл за то, что я вас туда приведу.

Софи прыснула от смеха.

– Ну, если это поможет вам сдать выпускные экзамены, я не могу отказать, правда?

Вечером во вторник Софи, задержавшись в офисе, примчалась домой, умылась, схватила чистую блузку и легкую юбку для танцев, быстро расчесала свои длинные волосы и собрала их на макушке в пучок.

– Тетя Эми, можно я возьму твой тонкий шарф? На улице тепло, и в плаще я вспотею.

– Женщины не потеют, – заметила тетя. – Они разгорячаются.

– Потеют, потеют. Когда танцуют регтайм, – с улыбкой возразила ей Софи.

– Не задерживайся допоздна, – сказала тетя Эми, стараясь говорить строгим тоном. –

С утра тебе на работу.

– Да, а в полночь я превращусь в крысу, знаю.

Софи высунулась из окна гостиной и, увидев быстро шагающего по улице Боза, помахала ему рукой.

– Сейчас спускаюсь!

Обернувшись, она поцеловала тетю в мягкую щеку.

– Не жди меня, у меня есть ключ.

– Приятного вечера, дорогая.

Глядя в окно, тетя Эми с грустью в сердце думала о том, что ее племянница из несчастного, беспомощного ребенка превратилась в энергичную молодую женщину, которой, похоже, все нипочем. Софи шла рядом с высоким рыжеволосым сыном фермера, глядя на него снизу вверх и болтая. Видимо, осталось уже недолго ждать того дня, когда она выйдет замуж и покинет дом, как и ее кузина Тилли. Тетя Эми со страхом подумала о том, что однажды Софи не взбежит, громко топая, по лестнице и не влетит в квартиру, на ходу выкладывая скороговоркой события дня.

Даже если бы Софи была ее родным ребенком, вряд ли Эми могла бы любить ее больше. Сердце женщины сжималось от боли при мысли о том, что Джесси не дожидая до этого дня и не увидела, как расцвела ее дочь. Когда Эми думала о трагедии, постигшей ее сестру, ее начинали одолевать мрачные предчувствия. Она молилась, чтобы Софи не повторила ошибку своей матери, выйдя замуж за недостойного человека. Джон Логан, чайный плантатор, пленил Джесси привлекательной наружностью и обаянием, но оказался ревнивцем и собственником. Эми с первого взгляда испытала к нему недоверие. Как ни странно, такое же интуитивное неприятие вызвал у нее Тэм Тэлфер, хотя никаких оснований для этого не было.

Эми смотрела вслед молодым людям, пока они не перешли на другую сторону улицы и не скрылись из виду. Долговязый Уильям добродушный мальчик, но, по мнению Эми, едва ли он подходил Софи с ее страстной натурой и жаждой приключений.

* * *

Оказалось, что Софи знает еще одного студента – Яна Макгинти. Они вместе посещали воскресную церковную школу, он бывал там с двумя младшими сестрами, которые тоже пришли на танцы. Рафи появился в сопровождении немолодой женщины богемного вида, облаченной в цыганские юбки, с множеством браслетов на руках и ярко-красной пома-

дой на губах. Они вместе курили, стоя у стола с выпивкой. Рафи помахал издали рукой, но не подошел.

– Это супруга одного художника, – счел необходимым объяснить Боз. – Из этих, пуантилистов, или как их там. Рафи водит дружбу со странными людьми.

Софи с трудом заставила себя не пялиться на Рафи и экстравагантную женщину и с удовольствием принялась танцевать. Самодеятельный оркестр исполнял шотландские народные танцы. Джаза, к сожалению, не было, но Софи знала все танцы по вечеринкам, устраиваемым прихожанами их церкви, а также по благотворительным собраниям суфражисток, на которые все эти годы брала ее тетя Эми. Девушка танцевала с Бозом, Яном и еще двумя студентами, вписавшими свои имена в ее карту.

Время уже подходило к перерыву для ужина, и Софи почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Когда музыканты объявили «Лихого белого сержанта» и попросили танцующих разбиться на тройки, девушка заметила знакомую стройную фигуру. Засунув руки в карманы, молодой человек стоял у дверей зала и беседовал с Рафи и женой художника, но при этом не отрываясь смотрел на нее.

– Тэм вернулся! – ахнула Софи.

Боз помахал рукой другу и крикнул:

– Эй, Тэлфер! Нам нужен еще один человек.

У Софи перехватило дыхание, когда Тэм, оставив своих собеседников, направился к ним через зал, чтобы поздороваться. Хлопнув Боза по спине, он пожал Софи руку.

– Я бы явился раньше, если бы знал, что самая привлекательная во всей Шотландии мотоциклистка пришла сегодня на танцы. Обычно здесь кроме бабушки профессора и ее подруг никого нет, правда, Боз?

– Да, вот именно, – прыснул Уильям. – Как Париж?

Улыбка сошла с лица Тэма.

– Разочарование.

Боз поднял брови:

– Флора не одобрила его?

– Позже расскажу. Идемте, все уже становятся.

Тэм крепко схватил Софи за руку и потащил к танцующим. Боз взял ее за другую руку, и девушка оказалась между ними, взволнованная неожиданным поворотом событий.

Они кружились в стремительном танце. Сердце Софи заходило каждый раз, когда она сжимала ладонь Тэма и они, склонившись, пробежали под поднятыми в виде арки руками противоположной пары. Он был так же привлекателен, как и раньше: подтянутое благодаря физической работе тело и голубые глаза, выделявшиеся на загорелом лице.

Танец закончился, и все потянулись в соседнюю комнату – к буфету с пирожками, сэндвичами и фруктовыми пирожными. Тэм нашел свободный столик и стал развлекать своих собеседников смешными рассказами о своей родне в Париже.

– Флора настояла, чтобы мы пошли на представление. Она говорила об этом всю неделю, а когда попала туда, вся изошла желчью по поводу полураздетых танцовщиц. «Они же простудятся!» – возмущалась мама. В итоге Флора заставила нас уйти прямо посреди канкана.

– А на что ты, чудак, надеялся, взяв их в «Фоли-Бержер»²⁴? – присвистнул Боз.

– Больше я не повторю этой ошибки, – поморщился Тэм. – Мать и Флора уже вернулись в Северный Берик.

– А ты? – спросил Боз. – Ты?..

---

²⁴ «Фоли-Бержер» – знаменитое парижское кабаре.

– Я тоже сыт Парижем по горло, – оборвал его Тэм. – Расскажи мне лучше, что я пропустил.

– Много партий в крикет и теннис, – ответил Боз. – Рафи выигрывал у меня в крикет, а Софи – в теннис.

– Правда?! – воскликнул Тэм.

– Не нужно так удивляться, – засмеялась Софи. – Я была капитаном школьной команды по теннису.

– Тогда вам нужен соперник получше, – заявил Тэм. – Вызываю вас на рассвете на поединок.

– Идет, – согласилась Софи, широко улыбаясь.

Остаток вечера она танцевала попеременно то с Тэмом, то с Бозом, но когда пришел черед заключительного вальса, Тэм опередил товарища, пригласив ее. От его близости девушка испытала необычайное волнение. Крепко прижав ладонь к ее талии, Тэм касался подбородком ее волос, пока они кружились в танце. На Софи произвела впечатление легкость, с которой он вальсировал.

– Вы прекрасно танцуете, – улыбнулся ей Тэм, глядя сверху вниз. – Гораздо лучше девушек, с которыми мне довелось танцевать в Париже.

– Приятно слышать, – сказала Софи. Она была польщена комплиментом, но все же испытывала ревность к парижанкам. – Я предпочитаю современные танцы.

– Вы были в новом «Дворце танцев» в Фаунтенбридже?²⁵ – спросил Тэм.

– Нет, – с грустью ответила Софи. – Но я слышала, что там потрясающе.

– Неужто Боз не сводил вас туда?

Софи покачала головой.

– Он пригласил меня сюда только потому, что тут мало женщин.

– Так между вами ничего нет? – поинтересовался Тэм с присущей ему прямоотой.

– Господи, нет, конечно, – поспешила уверить его Софи.

– Тогда, мисс Логан, – промурлыкал он ей на ухо, крепче прижав к себе, – в субботу вечером вы одеваетесь в свой лучший наряд и идете со мной во «Дворец».

---

²⁵ Фаунтенбридж – район в Эдинбурге.

Глава восьмая

– Ты же не собираешься пойти вдвоем с мистером Тэлфером, правда? – встревоженно спросила тетя Эми, глядя на тщательные приготовления Софи к вечернему выходу.

Девушка вымыла волосы и высушила их, туго намотав на лоскуты, в результате чего получилась россыпь русых кудряшек. Она укоротила подол своего простого синего платья, в котором была на свадьбе Тилли, и теперь примеряла к нему украшения.

– Бусы из слоновой кости или янтарная брошь, что скажешь, тетя?

– Брошь.

Софи скорчила гримасу.

– Думаю, бусы моей матери выглядят более эффектно и подходят к браслету из слоновой кости.

– Ты собираешься надеть еще и браслет? – с беспокойством спросила тетя Эми. – А если ты его потеряешь? У него не очень надежный замок.

– Не потеряю, – упрямо ответила Софи.

Она достала из потертой шкапулки браслет – свое самое дорогое сокровище, подарок родителей на ее крестины. Девушка вспомнила, как мать застегивала его на ее тонком запястье. То был какой-то особенный случай, наверное, день рождения? Софи помнила не только мягкое прикосновение пальцев матери и ее цветочный запах, но и хриплый смех отца-курильщика где-то рядом. Девушка провела кончиками пальцев по тонкой резьбе, изображающей крошечные головы слонов, и защелкнула металлическую застежку.

Несколько лет назад в браслет добавили недорогие бусины, чтобы он не был тесен повзрослевшей Софи, но она по-прежнему его любила. Этот браслет долгие годы был для нее чем-то вроде талисмана, связующим звеном между ней и ее родителями, ее детскими годами до трагедии. Души матери и отца как будто взирали на нее с того света каждый раз, когда она к нему прикасалась. Правда, девушка не могла рассказать об этом суеверии своей набожной тете.

– Кто еще пойдет сегодня на танцы, Софи? – упорно продолжала расспрашивать Эми, разглядывая жуткий браслет с оторванными слоновьими головами.

Ей никогда не нравилось ни это украшение, ни то, что ее племянница обращалась с ним как с какой-то святыней.

– Ах, там будет много наших! – беспечно ответила девушка. – Боз, Макгинти – ребята из университета.

– Я хочу поговорить с мистером Тэлфером, когда он придет за тобой.

Софи уже натягивала плащ.

– Мы с ним встретимся на улице, чтобы не пропустить автобус.

– Но Софи...

– Как-нибудь я приглашу его на чай, обещаю.

Девушка схватила маленькую сумочку, купленную на днях в магазине подержанных вещей, чмокнула тетю в щеку и выбежала из прихожей.

– Зонтик забыла! – крикнула тетя Эми ей вслед.

– У Тэма должен быть зонт, – ответила Софи и, помахав рукой, захлопнула за собой дверь.

Ее возбуждение смешалось с раздражением: меньше всего она хотела, чтобы тетя подвергла Тэма допросу о его семье и о жизненных обстоятельствах, как то было с Рафи и Бозом. Интуиция подсказывала Софи, что Тэм будет менее терпим к любопытству тети, и ей хотелось создать благоприятное впечатление о себе, прежде чем он подвергнется допросу. Задер-

жавшись в полумраке лестничной клетки, девушка сняла свой старомодный макинтош и, достав ярко-красную помаду и миниатюрное зеркальце, подкрасила губы.

Тэм уже ждал ее у подъезда, прикрываясь зонтом от морозящего дождя. Одетый в вечерний костюм, белое кашне и до блеска начищенные ботинки, мужчина выглядел безупречно. У Софи захватило дух от его изысканного внешнего вида и острого запаха пены для бритья. Тэм окинул ее восхищенным взглядом и, отведя локоть, предложил руку.

– Вы такая красотка, мисс Логан, – подмигнул он ей. – Мне будут завидовать все парни во «Дворце». Прошу вас, усаживайтесь.

Он кивнул на ожидающий автомобиль.

– Мы поедem на такси?! – воскликнула Софи.

– Я же не могу позволить, чтобы вы испачкали чулки, прыгая по лужам, сударыня, – усмехнулся он.

Софи залилась румянцем от удовольствия, когда Тэм забрался в такси вслед за ней. Пока они ехали по городу, Тэм непринужденно болтал, расспрашивая ее о той поездке на мотоцикле в Ньюкасл и о праздновании дня рождения ее кузины. Его поразило то, что оно закончилось неожиданной помолвкой и бракосочетанием.

– В этом платье я была на свадьбе у Тилли. Я была подружкой невесты, – призналась Софи.

– Оно великолепно, – уверил ее Тэм, взглянув на ее ноги. – Для меня большая честь, что вы надели его на свидание со мной.

Софи вдруг стало неловко, и она потянула подол вниз, прикрывая колени.

– У меня не так уж много нарядной одежды.

– Вы прекрасны в любой одежде, – улыбнулся Тэм.

Девушка понимала: он ей льстит, подобные слова опытному Тэму, несомненно, ничего не стоили, но, еще не доехав до «Дворца танцев», Софи уже знала, что безнадежно влюблена в него.

Они выскочили из такси и, спасаясь от дождя, вбежали в роскошные двери «Дворца танцев» с закопченным до черноты фасадом. Софи была потрясена сияющим интерьером, массивными золочеными колоннами, мозаичными полами и электрическим освещением. Их с тетей квартиру по-прежнему освещали газовые лампы, тусклые огоньки которых никогда полностью не рассеивали темноту. Здесь же из люстр и бра лился яркий свет – от ослепительно-белого до нежно-розового.

Сдав плащ в гардеробной, Софи взяла Тэма за руку и смешалась с шумной толпой отдыхающих, направляющихся в танцзал. Пока они шли, Тэм то и дело здоровался со знакомыми.

– Ну как Париж? – спросил его мужчина в вечернем костюме.

– Рад снова тебя видеть, Тэм! – воскликнул другой, хлопая его по спине.

– А это, должно быть... – сказал третий в спортивном пиджаке, с удивленной улыбкой глядя на Софи.

– Мисс Софи Логан, – представил ее Тэм. – Чемпионка по теннису и мотокурьер во время войны.

Софи смущенно рассмеялась:

– Вообще-то ни первое, ни второе не соответствует действительности.

– Тэм такой выдумщик, – сказал спортсмен. – Вижу, что вы слишком молоды, чтобы иметь какое-то отношение к войне.

– Да, молода, – согласился Тэм. – Но мисс Логан выиграла у Боза в теннис и ездит на мотоцикле.

Молодой человек восхищенно присвистнул.

– Подходи к нам, Тэлфер, не лишай нас общества удивительной мисс Логан.

Он представился: его звали Джимми Скотт.

Немного погодя Софи и Тэм нашли свободный столик. К ним подошел официант.

– Два джина с содовой и лаймом, пожалуйста, – заказал Тэм.

Софи глядела по сторонам, поражаясь разнообразию присутствующих. Богачи из Мюррейфилда²⁶ толкались здесь вместе со студентами и секретаршами из офисов. Софи с завистью рассматривала платья с оборками, шляпки в блесках и короткие стрижки юных модниц Эдинбурга. Может быть, если бы она стала экономить, то смогла бы позволить себе меховое боа или, на худой конец, шляпку с перьями? Принесли выпивку, и непривычная к спиртному Софи, сделав большой глоток, едва сдержалась, чтобы не закашляться. Она заметила, что Тэм, даже не пригубив, вертел бокал в руке, беседуя со своими товарищами из гребного клуба о какой-то пропущенной им регате.

– Неудивительно, что без моих мускулов вы пришли всего лишь третьими, – поддел их Тэм.

– С твоей стороны, Тэлфер, было эгоистично отчалить в Париж как раз тогда, когда ты нужен был здесь больше всего, – сказал Джимми и опрокинул в себя большой стакан виски.

– А по-моему, совсем не эгоистично, – вмешалась Софи. – Напротив, это было великодушный поступок – взять с собой в путешествие мать и сестру. Как бы я хотела побывать в Париже!

Молодые люди переглянулись.

– Я возьму вас с собой в Париж, только скажите, – произнес Джимми, хитро глядя на нее.

– Отвечайте «нет», Софи, – расхохотался Тэм. – Джимми никогда не был южнее Престонпанза²⁷ и не знает ни слова по-французски.

– Ну а вы, героини войны, все знаете, не так ли? – недовольно парировал Джимми.

– Мы знаем, как нужно говорить с мадемуазель, – сказал здоровяк в смокинге. – Не правда ли, Тэм?

В эту минуту их разговор был прерван радостными возгласами – две молодые женщины в стильных кремовых платьях и длинных кружевных перчатках, стуча каблуками, подошли к столику.

– Ребята! – воскликнула та, что была повыше, с коротко остриженными темными волосами.

Она тут же принялась целовать всех их в щеки, размахивая своей танцевальной картой.

– Хочется задушить вас в объятиях!

– Тэм, ты все-таки вернулся! – воскликнула ее подруга, тыча в него мундштуком. – Я так и сказала Нэлл, что ты вернешься.

– Нет, Кэтрин, это я тебе сказала, – возразила Нэлл. – Тэм эдинбуржец, он слишком сильно скучал по нас.

Принесли стулья для вновь прибывших, Джимми заказал еще выпивки. Все были представлены друг другу. Нэлл знала парней по дискуссионному клубу, а Кэтрин была ее школьной подругой. Они с любопытством глядели на Софи. Среди этой разговорчивой молодежи она почувствовала себя непривычно скованной. Все они были такие утонченные и хорошо образованные, в отличие от нее. Больше всего ей сейчас хотелось танцевать под ритмичную музыку, которую исполнял прекрасный ансамбль, состоявший из дюжины музыкантов, расположившихся на помосте с краю танцзала.

Тэм поднялся из-за столика и повел Софи танцевать фокстрот.

– Они хорошие парни, – сказал он, – но болтливы так, что и слова не вставишь.

---

²⁶ Мюррейфилд – район Эдинбурга.

²⁷ Престонпанз – городок в Шотландии.

– И девушки тоже, – ухмыльнулась Софи.

– Дискуссионный клуб, – осклабился Тэм. – Думаю, тебе нравятся девушки, которые не лезут за словом в карман?

– Нравятся. Но я больше хочу танцевать с вами, а не слушать ваших друзей.

Глаза Тэма округлились, а затем он, рассмеявшись, сильнее сжал ее ладони.

Время летело, и у Софи не было возможности перевести дыхание, потому что Тэм и его приятели приглашали ее на каждый танец. Пришел Боз. Он посмотрел на Софи с тоской, но, похоже, был вполне доволен, танцуя с Кэтрин и Нэлл.

Позже этим вечером, когда часть огней потушили и воцарился полумрак, Софи с удивлением увидела Рафи, вошедшего с Яном Макгинти. Оба молодых человека были одеты в повседневные фланелевые костюмы.

– А вот и наши большевики – Хан и Макгинти! – пьяным голосом воскликнул Джимми. – Пришли испортить нам вечер, да?

– Джимми, заткнись, – сказала Нэлл.

Рафи и Ян сохраняли невозмутимость.

– Наслаждайся пока что своими буржуазными развлечениями, Скотт, – добродушно ответил ему Рафи, подняв кружку пива и выпустив клуб дыма. – Когда произойдет революция, мы замолвим за тебя словечко в комиссариате.

– Не нужно надо мной насмехаться, – промычал Джимми.

– Иди сядь со мной, Рафи, – велела Нэлл. – Расскажи мне о дебатах по поводу империи, которые я пропустила. Тэм говорил, что тебе пришлось приводить доводы за колониальное правление. Что же такого ты им сказал, чтобы одержать верх?

– Я всего лишь расписал преимущества мягкого правления могольских императоров, – сухо ответил Рафи.

– Это не совсем то, что они ожидали услышать, – проворчал Тэм.

– Не всё же англичанам разглагольствовать о железных дорогах и миссионерах, – сказал Ян Макгинти.

Это, похоже, вывело из себя Джимми, с видом собственника нависшего над Нэлл.

– Хан! Ты пьешь спиртное, не так ли? А я думал, что вам, мусульманам, нельзя даже прикасаться к нему.

Рафи поднял кружку.

– В этом и заключается преимущество империи, Скотт.

– Чертов ханжа! – прорычал Джимми. – Странно, что тебя сюда пустили.

Макгинти шагнул ему навстречу.

– А почему бы и нет? – спросил он зло. – Рафи имеет такое же право здесь находиться, как и любой из нас.

Джимми качнулся вперед, изрыгая ругательства:

– Потому что он черномазый, черт возьми!

В то же мгновение Тэм вскочил на ноги. Его лицо исказилось от гнева.

– Мерзавец!

Он замахнулся и ударил Джимми кулаком по носу. Попятившись, тот повалился на пол. Тэм бросился к нему, но вмешались Боз и Рафи, загородив ему путь и отводя его в сторону.

Спортсмен-здоровяк поднял Джимми на ноги.

– Уведи его, – распорядилась Нэлл, – пока нас всех отсюда не вышвырнули.

Джимми начал упираться, но Боз быстро схватил его за руку.

– Ты напился. Пора домой.

Они быстро вывели Джимми, закрывавшего руками лицо, из зала. Все произошло так стремительно, что Софи уже сомневалась в том, было ли это на самом деле. За пределами их столика никто ничего, видимо, не заметил. Тэм все еще стоял, сжимая кулаки и тяжело дыша.

– Отлично, Тэлфер, – сказал Макгинти. – Пора пнуть под зад этого империалиста.

Выражение лица Рафи трудно было понять. Софи показалось, что он встревожен больше за Тэма, чем за себя. Не говоря ни слова, Рафи положил ладонь Тэму на плечо и усадил его на стул. Тэм сидел, сжав подлокотники и глядя перед собой, пока не успокоился. За столом воцарилась неловкая тишина.

Нэлл поднялась на ноги.

– Идем, Рафи, потанцуем.

Софи глядела им вслед, пока они не растворились в толпе. Ей было приятно смотреть, как танцуют Рафи и Нэлл. Свершившееся у нее на глазах насилие привело ее чувства в смятение. Вернулся Боз.

– Браун отведет его домой. Утром он мало что вспомнит. Ты в порядке, Тэм?

Тэм утвердительно кивнул. Боз взглянул на Софи.

– А вы?

– Да, конечно.

Она потянулась к своему бокалу. Ее рука дрожала. Софи сделала большой глоток. Боз, озираясь, собирался сказать что-то еще, но внезапно поднялся на ноги Тэм.

– Леди, – обратился он к Софи и Кэтрин, – прошу прощения за свое грубое поведение. – Он уставился на костяшки своих пальцев, как будто они принадлежали не ему. – Извините меня, пожалуйста.

Кэтрин отмахнулась от его слов.

– Джимми перешел черту.

Она протянула руку Бозу.

– Пригласи меня на танго. Правда, мы оба танцуем его неважно.

Оставшись наедине, Тэм и Софи посмотрели друг на друга.

– Я испортил вам вечер, правда? – спросил он виноватым голосом.

– Нет, – ответила Софи. – Это сделал Джимми. Да вечер и не испорчен, я получила огромное удовольствие.

Тэм выглядел подавленным.

– Вы не против, если мы сейчас уйдем?

Софи постаралась не подавать виду, что ей этого не хотелось.

– Конечно нет.

Когда они вышли из здания, дождь уже закончился. На свежем воздухе Тэм оживился и к нему вернулось его обычное чувство юмора.

– Позвольте проводить вас домой.

– Но вам не по пути.

– Люблю ходить пешком, а ваша тетя наверняка ожидает, что я доставлю вас целой и невредимой, не так ли?

– Да, – подтвердила Софи.

– Так идемте же, мисс Логан, – улыбнулся Тэм. – Я не хочу давать мисс Андерсон повод не пустить вас со мной на танцы в следующий раз.

Они шли по улицам вечернего города рука об руку, вдыхая примешивающийся к свежему воздуху крепкий солодовый запах, доносившийся из пивоварен.

– Вы молодец, что вступились за Рафи, – сказала Софи.

– Да ничего особенного. Скотт повел себя по-хамски в присутствии дам. Он выпил лишнего.

Его лицо стало суровым, и Софи пожалела, что заговорила об этом.

– А вы за весь вечер даже не притронулись к бокалу.

– От спиртного не бывает ничего хорошего. Мой отец умер от алкоголизма.

– Простите.

– Все в порядке. Это было давно, – отмахнулся Тэм, отвергая ее сочувствие. – К тому же Рафи – мой друг. Джимми Скотт и мизинца его не стоит. Нас – меня, Боза и Рафи – парней, прошедших войну во Фландрии, – связывают товарищеские узы. Я не могу стоять и смотреть, как кто-то оскорбляет моего друга.

Софи сжала его ладонь.

– И за это я вами еще больше восхищаюсь.

Тэм остановился и, развернув девушку к себе, приподнял ее подбородок. У Софи сердце зашлось от такой близости. Неужели он собирается ее поцеловать? Тэм внимательно смотрел ей в глаза. Софи сглотнула, желая, чтобы он прильнул к ее губам.

– Я не достоин вашего восхищения, – сказал он, отступая на шаг назад.

Ее захлестнула волна разочарования. Они пошли дальше. Тэм принялся беззаботно болтать о том, как Боз во время войны мучился без ирисок.

– Рафи говорит, что Боз влюбится в сладости, когда мы приедем в Индию. Если, конечно, сдадим экзамены.

Софи не желала говорить о Рафи, Бозе и об экзаменах или думать о том, что Тэм уедет в Индию. Ей хотелось, чтобы он поцеловал ее. Ее переполняли ожидание и томление. Ну неужели он этого не видел?

У подъезда ее дома Тэм поднес ее ладонь к губам и коснулся ее легким поцелуем. Трудно было поверить, что такой галантный человек мог в один миг выйти из себя, из-за того что оскорбили его товарища.

– Мне очень понравился этот вечер, мисс Логан. Вы прирожденная танцовщица.

– Мне он тоже понравился, – сказала Софи, боясь, что Тэм развернется и уйдет, не пообещав увидеться с ней вновь. – Тэм, а как насчет того, чтобы сыграть в теннис на этой неделе?

– В теннис?

– Поединок на рассвете, помните?

Он секунду молча смотрел на нее.

– Да, конечно, с удовольствием.

– В понедельник? – предложила Софи.

– По понедельникам я учу хиндустани с Доунзом – знатоком из Пенджаба.

Софи ждала.

– Как насчет вторника, после того как закончится ваш рабочий день? – спросил Тэм.

– Да, – сразу же согласилась она.

– Отлично, – улыбнулся он.

– Благодарю за волшебный вечер, – сказала Софи. – «Дворец» оказался даже лучше, чем я могла себе представить.

– Ладно, заходите в дом. Я хочу удостовериться, что вы добрались благополучно, – тогда мой долг будет исполнен.

Тэм шутливо отсалютовал ей.

Софи открыла дверь.

– Еще раз спасибо.

Она вошла внутрь, но продолжала смотреть, как он шагает прочь, негромко насвистывая танцевальную мелодию. В свете уличного фонаря Софи разглядела шрам на его затылке. Внезапно он напомнил ей о том, что как бы молод Тэм ни был, он, должно быть, видел и делал вещи, которые молодым людям обычно видеть и делать не приходится. Девушка гадала о том, откуда мог взяться этот шрам, но боялась, что Тэм рассердится из-за такого

вопроса. Всякий раз, когда он расчесывал свои густые волосы, этот участок наверняка напоминал ему о войне.

Позже, лежа в кровати без сна, Софи вспоминала улыбающееся ей красивое лицо Тэма, и у нее в ушах звучала музыка. Она нравилась ему, в этом не было сомнений. Вместе с тем он вел себя сдержанно. Может, он не желал быть вовлеченным в романтические отношения, потому что через считанные недели отправится в Индию, чтобы начать там новую жизнь? Софи ощутила укол ревности оттого, что он будет жить в стране ее детства, однако было безумием позволять себе какие-либо чувства в отношении этого человека. До сих пор ей удавалось никого не впускать в свое сердце. Тех, кого мы слишком горячо любим, мы теряем.

Ворочаясь на своей узкой кровати, Софи со страхом думала о том, что ее влечение к Тэму слишком сильно, чтобы ему противиться.

Глава девятая

Вздрыгнув, Софи проснулась, когда за окном едва брезжил рассвет. Она совсем мало спала. Что ее разбудило? Перед ее внутренним взором был вовсе не Тэм, а Нэлл и Рафи, плавно скользящие по полу танцзала, словно колышущиеся на ветру травы.

«Держись подальше от шалашей из травы, в которых живут местные». Это ей говорил отец, Софи хорошо это запомнила. Она помнила, как бежала по пыльной дороге и изумрудно-зеленому лугу, а кто-то гнался за ней. Это было так увлекательно, она смеялась. Впереди виднелись джунгли и озеро с коричневой водой, в котором плескались и играли дети. *«Не подходи!»* Ей хотелось быть вместе с ними. Она почти ощущала острый запах воловьего навоза и полевых цветов, слышала смех и визг. Когда до них оставалось совсем немного, кто-то тащил ее назад и шлепал по попе. Плачущую, ее вели назад на дорогу.

«Не пускайте ее туда! – Красное от гнева лицо ее отца. – Моя дочь не должна играть с черномазыми!»

Софи села на постели, стараясь отогнать от себя видение. Или это было на самом деле? В глубине души она знала, что было. То презрительное слово, которым Джимми хотел оскорбить Рафи во время конфликта во «Дворце», использовал и ее отец. Хотя само слово было довольно обычным, девушке было горько сознавать, что ее отец кричал его во всеуслышание. И она не могла припомнить, чтобы играла с индийскими детьми до или после этого случая.

Софи встала и, заварив себе чаю, села у окна в гостиной, наблюдая за бледно-желтым рассветом, разговарившимся за утесами Королевского парка. Жаль, что сегодня был не рабочий день. Работа в офисе отвлекла бы ее от странных, грустных мыслей, занятость обычно помогает избавиться от тоски. Сегодня она пойдет в церковь, а потом, если не будет дождя, повезет тетю Эми кататься на мотоцикле.

Умывшись холодной водой, Софи оделась, расчесала спутавшиеся за ночь волосы и, налив себе чашку чаю, пошла будить тетю к ней в комнату.

Позже в тот же день, остановившись в горах Пентланда на пикник в месте, с которого открывался вид на подернутый дымкой Эдинбург и далее, на Форт²⁸, Софи попотчевала тетю подробным рассказом о танцах, правда, умолчала о пьяной выходке Джимми и о жесткой реакции Тэма, чтобы не давать тете повода не пустить ее с ним в следующий раз.

– Я вижу, этот Тэм Тэлфер тебя очаровал, – заметила тетя Эми.

– Он пригласил меня поиграть в теннис во вторник, – улыбнулась Софи.

– Вдвоем или с другими парнями?

– Вдвоем.

Тетя Эми пристально взглянула на племянницу.

– Хотела бы я знать, почему мистер Тэлфер не написал и не нанес нам визит, хотя и обещал сделать это на перевале. Надеюсь, его интерес к тебе вызван не только соперничеством с мистером Бозуэллом, который к тебе равнодушен.

Софи такое предположение уязвило.

– Тэм не такой. Просто он был занят учебой, а потом возил мать и сестру в Париж. У него не было возможности это сделать.

– Не глупо ли привязываться к человеку, который скоро покинет страну?

– Тетя! – воскликнула Софи с досадой. – Я ведь не могу приказать себе, влюбляться мне или нет, правда?

Тетя Эми похлопала ее по руке.

²⁸ Форт – река в Шотландии.

– Я лишь призываю тебя быть осторожной. Я ни на чем не настаиваю. И, судя по румянцу, который появляется у тебя на щеках при одном упоминании имени этого молодого человека, тебе пора привести его к нам на чай.

– Спасибо, тетя, – улыбнулась Софи.

Когда они собирались уезжать, Софи сказала:

– Этой ночью мне снилась Индия. Возможно, это были воспоминания.

– Сон был приятным?

– Не очень. Я убежала, и меня отшлепали. И мне не разрешали играть с детьми. Но трава и цветы были такими яркими, что мне хотелось, чтобы сон не кончался.

– Место было знакомое? – спросила тетя Эми.

– Наверное, – пожала плечами Софи. – Там был мой отец. – Она встревоженно взглянула на тетю. – Каким он был?

– Я очень мало с ним общалась, – сказала тетя Эми.

– Но какое-то впечатление о нем у тебя сложилось?

– Он был довольно привлекательным и был сильно влюблен в твою мать, – произнесла тетя Эми. – И по-своему старомодным. Место женщины, по его понятиям, было дома, а мужчина должен быть в нем хозяином. Вообще, я думаю, англичане в Индии отстают от нас на поколение в плане общественного развития. Несомненно, Билл Логан осуждал мою деятельность в качестве суфражистки. – Эми рассмеялась. – А может быть, мои одиночество и независимость!

Видя, как печальна ее племянница, она постаралась припомнить о своем зяте что-нибудь хорошее:

– Но он был очень привязан к своей семье, и после твоего рождения Джесси писала мне, как он был рад стать отцом.

– Правда? – вздохнула Софи. – Жаль, что я не запомнила его именно таким.

Когда она застегивала куртку, ее неожиданно осенила мысль.

– Тетя, а у тебя сохранились письма моей матери?

Эми ответила не сразу.

– Пара штук, наверное, – сказала она, слегка пожав плечами. – Твоя мать не очень любила писать письма, а после твоего рождения они приходили от нее только на Рождество и на дни рождения.

Она не стала говорить о своих подозрениях о том, что Логан перехватывал письма жены и поэтому многие из них не были отосланы, поскольку Джесси в своих рождественских поздравлениях упоминала события и людей так, как будто Эми о них уже знала. И было одно, последнее, полное отчаяния письмо ее сестры, которое вообще не стоило хранить. Чувство вины за то, что она уделяла Джесси так мало внимания, нахлынуло на Эми с новой силой.

– В тот год, когда умерла твоя мать, я несколько месяцев ничего от нее не получала, – сказала тетя Эми. – Твой отец перевез ее куда-то далеко от города, где, как я решила, не было почтовой связи.

– Мы уехали из поместья Оксфорд? – удивленно спросила Софи. – И куда же?

– Точно не знаю, – нахмурилась тетя. – Куда-то дальше в горы. Мне сообщил об этом твой отец. Он написал, что здоровье твоей матери ухудшилось и прохладный воздух пойдет ей на пользу. Поэтому их смерть от брюшного тифа представляется еще более трагичной.

Софи вдруг отчетливо вспомнила залитую солнцем, увитую цветущими лианами веранду, за которой не было ничего, кроме джунглей. Одетая в нарядное платье, она нетерпеливо кого-то или чего-то ожидала. Раздавался громкий барабанный бой, в небе вспыхивали фейерверки. Она думала, что все это специально для нее.

– Кажется, я вспомнила бунгало в горах, – сказала Софи, пытаюсь удержать в сознании исчезающее видение. – Да, то был день моего рождения, я ждала его празднования, но мама сказала, что ничего не будет, потому что мы слишком далеко. Должно быть, это то самое место, правда? Место, где умерли мои родители?

– Вполне возможно.

– А где оно находится, мой отец вам сообщил, тетя Эми?

Тетя покачала головой.

– Где оно, я не знаю, но я запомнила название поместья, потому что оно очень милое – «Белый цветок».

– «Белый цветок», – пробормотала Софи. – Не очень индийское название.

– Ну, ладно, – оживилась тетя Эми. – Не годится заикливаться на прошлом. Я была бы рада, если бы твоя мать вообще не ездила в Индию, но что толку причитать, когда ничего уже не воротишь. Твоя родина – Шотландия, дорогая моя. Радуйся этому.

Игру в теннис во вторник пришлось отменить из-за дождя, но Софи пригласила Тэма зайти к ним на чай и получше познакомиться с тетей Эми. Он был общителен и обаятелен, восхищался ее столярной работой и обещал снабдить тетю Эми древесиной бука для следующего заказа. Они беседовали о породах дерева и о Швейцарии, пока Софи вновь заваривала чай и делала бутерброды. Судя по всему, Тэм не возражал против обрушившегося на него шквала вопросов.

– А почему вы для карьеры лесоведа выбрали именно Индию? – спросила его тетя Эми.

– Это был запасной вариант, – признался Тэм. – Я хотел поехать в Америку, но не сложилось. Тем не менее Индия сулит хорошие перспективы, там у них самое лучшее лесное хозяйство в империи. Я рассчитываю к тридцати годам стать лесничим, а к тридцати пяти – экспертом по лесоводству. Уже сейчас я пишу статьи по вопросам лесного хозяйства, получая за них гонорары. Я планирую стать авторитетным специалистом, чтобы мои квалифицированные услуги были востребованы по всему миру.

Софи поразило то, с каким жаром Тэм говорил о своем будущем, и она позавидовала его целеустремленности. Тетя же смотрела на него строго, как она это умела.

– Должна сказать, мне нравятся люди, которые знают, чего хотят, – сказала тетя Эми. – И в амбициозности нет ничего плохого...

– Но? – склонил голову Тэм. – Полагаете, что я слишком тороплив?

– Вы, современная молодежь, все нынче нетерпеливы, – рассмеялась тетя Эми. – Не забывайте получать удовольствие от жизни.

– Это также входит в мои планы, – усмехнулся Тэм. – В Индии есть где поиграть в теннис и потанцевать, насколько мне известно. Работай усердно, играй еще усерднее – таков девиз Тэлферов.

Софи отвела глаза, чтобы не встречаться с вопросительным взглядом тети. Девушка понятия не имела о том, есть ли в грандиозных планах Тэма место и для нее. Мысль о том, чтобы вернуться в Индию, пугала и одновременно волновала ее. Софи не смела даже надеяться на то, что это когда-либо случится.

Тем не менее после этого вечера следующие две недели Софи встречалась с Тэмом почти каждый день. Она брала на работе отгулы, и они играли в теннис или гуляли в Королевском парке, а если шел дождь, отправлялись кататься на коньках на крытый каток в Мюррейфилде. Тэм водил ее на танцы в отель «Норт-Бритиш», а она его – на концерт в «Ашерхолл».

– Не очень люблю классическую музыку, – честно признался Тэм, и они ушли оттуда во время антракта.

Но когда начальница Софи, мисс Горри, отдала ей лишние билеты на «Пиратов Пензанса»²⁹, Тэм аплодировал и свистел с огромным воодушевлением.

В субботу они сели на Раджу и поехали на побережье в Северный Берик. Они ели там рыбу с жареным картофелем, а затем примчались назад и, быстро переодевшись, успели вечером на танцы во «Дворце». Больше всего им нравилось танцевать вместе. Они оба были в равной степени страстными танцорами. Ни с каким другим партнером Софи не чувствовала себя единым целым, как это бывало, когда она кружилась и скользила по танцзалу с Тэмом.

Иногда они встречали друзей и товарищей Тэма, но Софи всегда с нетерпением ждала встреч с ним наедине. Однажды, после долгого дня, проведенного в Северном Берике и танцзале, Тэм, провожая ее в летних сумерках домой, завел ее под дерево и спросил:

---

²⁹ «Пираты Пензанса» – комическая опера в двух действиях на музыку Артура Салливана и либретто Уильяма Гилберта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.